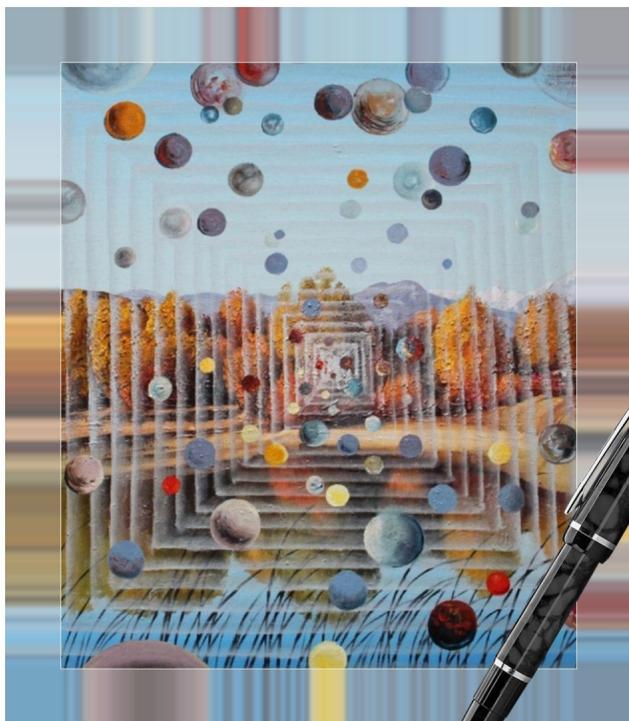


ЛАЙТ-ФОНД АЦАМАЗ АРТ
Виктор и Марина Харебовы



*Сияющие миры
Ацамаза Харебова*

Философия и сила образа

ВИКТОР ХАРЕБОВ
МАРИНА ХАРЕБОВА

СИЯЮЩИЕ МИРЫ АЦАМАЗА ХАРЕБОВА

Философия и сила образа

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 7
ББК 37.94
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харевов Виктор

Х20 Сияющие миры Ацамаза Харебова : Философия и сила образа / Виктор Харевов, Марина Харебова. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 106 с.
ISBN 978-5-0068-2464-5 (т. 1)
ISBN 978-5-0068-2465-2

«Сияющие миры Ацамаза Харебова» — сборник эссе, вдохновленных живописью художника. В них картины становятся зеркалами памяти и окнами в иные миры. Слово и образ пробуждают в душе размышления о добре и красоте.

«The Shining Worlds of Atsamaz Kharebov» is a collection of essays inspired by the artist's paintings. In them, the paintings become mirrors of memory and windows into other worlds. Word and image stir the soul to reflections on goodness and beauty.

УДК 7
ББК 37.94

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0068-2464-5
ISBN 978-5-0068-2465-2

© Виктор Харевов, 2025
© Марина Харебова, 2025
© Ацамаз Харевов, иллюстрации, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

«Служить Добру и ценить Красоту – значит оставаться человеком даже среди хаоса. Картина – это не изображение, а мост между душой и миром. Через него приходит свет. Добро и Красота – это два крыла, на которых поднимается душа.» – Ацамаз Харебов

Эта книга не является альбомом в привычном смысле слова, хотя в ней есть картины. Она не является и научным исследованием, хотя в ее текстах можно уловить оттенки философского анализа. Перед читателем – иной жанр, особое пространство созерцания и размышления. Это книга-путешествие, в котором картины художника Ацамаза Харебова становятся не просто иллюстрациями, а порталами в многомерные миры, а эссе – путеводными заметками и откликами на переживание этих миров.

Мы привыкли воспринимать живопись глазами, но редко прислушиваемся к тому, что она «говорит» нашему внутреннему миру. Взгляд на картины Ацамаза Харебова открывает не только красоту форм и богатство красок, но и глубинные вопросы: о времени и вечности, о разрушении и созидании, о памяти и предчувствии, о присутствии и одиночестве. Это вопросы, на которые невозмож-

но дать окончательный ответ, но можно вступить с ними в медленный, доверительный разговор.

Каждое произведение художника словно оставляет в воздухе вибрацию, которая требует ответа. И этот ответ рождается в форме слова – философского, образного, слова, в котором мысль и чувство переплетаются. Так картины и эссе образуют диалог, продолжающийся в сознании читателя.

Философские эссе, собранные в этой книге, не претендуют на то, чтобы «разъяснить» или «объяснить» картины. Скорее, они стремятся уловить дыхание мысли, рождаемой в момент созерцания. Здесь нет готовых формул, но есть намеки на то, что каждый из нас может ощутить, если позволит себе замедлиться и вслушаться.

Каждое эссе сопровождается репродукцией картины Ацамаза Харебова. Иллюстрации расположены сразу после текста, чтобы читатель мог воспринимать мысль и образ в их естественном единстве.

Чтение этой книги – приглашение к внутреннему путешествию. Остановливаясь у каждой картины, всматриваясь в ее образы и символы, переходя к эссе, а затем возвращаясь к своим собственным мыслям, читатель становится участником триединого диалога: художник – слово – созерцающий. И именно в этой встрече рождается подлинное понимание искусства как духовного опыта.

Картины – это окна в иные измерения. Вглядевшись в них, мы начинаем ощущать дыхание пространств и миров, которых прежде не знали, но которые таинственным образом узнаем. Здесь время течет иначе: замедляясь до вечности или ускоряясь до ослепительной вспышки.

Эссе, сопровождающие полотна, подобны отражениям в воде: они не дублируют картину, а преломляют ее, показывают отблеск в мире мысли. Иногда отражение оказывается яснее самого предмета, иногда – зыбким, дрожащим от ветра, но всегда живым.

Каждая страница — как шаг в лабиринте: картины становятся дверями, слова — коридорами, а читатель — странником, идущим навстречу свету. Где-то он увидит руины Атлантиды, где-то — праздник одиночества, где-то — предчувствие новой звезды. Но все эти сюжеты соединяются в одно: в движение души, ищущей смысл в образах.

Картины Ацамаза Харебова можно увидеть как зеркала памяти, где отражаются забытые переживания и утраченные слова. Они напоминают нам о том, что в глубине души всегда хранится нечто большее, чем мы способны осознать. Иногда картины звучат как голоса будущего, тихо пророчащие то, что еще не свершилось. Эти голоса ведут нас сквозь тьму и туман к тому, что должно открыться лишь в свое время.

И тогда эссе становятся не просто словами, а путевыми заметками странника, записанными на берегах этих внутренних морей.

Каждый, кто откроет эту книгу, окажется на перепутье: перед ним будут окна, зеркала, карты и голоса. Но лишь он сам решит, какой путь выбрать. Ведь искусство не дает готовых ответов — оно дает ключи к дверям, ведущим в бесконечность.

— — — — —

«To serve Goodness and to cherish Beauty is to remain human even amidst chaos. A painting is not merely an image, but a bridge between the soul and the world. Through it, light enters. Goodness and Beauty are the two wings on which the soul ascends.» — Atsamaz Kharebov

This book is not an album in the conventional sense, although it contains paintings. Nor is it a scientific study, though its texts sometimes carry the tone of philosophical analysis. What lies before the reader is another genre —

a special space of contemplation and reflection. It is a book-journey in which the paintings of Atsamaz Kharebov become not mere illustrations, but portals into multidimensional worlds, while the essays serve as guiding notes and responses to the experience of those worlds.

We are accustomed to perceiving painting with our eyes, but we rarely listen to what it speaks to our inner world. Looking at the works of Atsamaz Kharebov reveals not only the beauty of form and richness of color, but also profound questions: about time and eternity, about destruction and creation, about memory and foreboding, about presence and solitude. These are questions for which no final answer can be given, yet into which one can enter in a slow, intimate dialogue.

Each work of art seems to leave a vibration in the air, demanding a response. That response arises in the form of a word – philosophical, figurative, a word in which thought and feeling intertwine. Thus, the paintings and the essays form a dialogue that continues within the reader's consciousness.

The philosophical essays collected in this book do not claim to «explain» or «decode» the paintings. Rather, they seek to catch the breath of thought born in the moment of contemplation. There are no ready-made formulas here, but there are hints of what each of us may sense if we allow ourselves to slow down and listen.

Each essay is accompanied by a reproduction of a painting by Atsamaz Kharebov. The illustrations are placed directly after the text, so that thought and image may be perceived in their natural unity.

Reading this book is an invitation to an inner journey. Pausing before each painting, studying its images and symbols, moving on to the essay, and then returning to one's own reflections, the reader becomes a participant in a triadic dialogue: artist – word – contemplator. And in this meeting

is born the true understanding of art as a spiritual experience.

The paintings are windows into other dimensions. Looking into them, we begin to feel the breath of spaces and worlds we did not know before, yet which we mysteriously recognize. Here time flows differently: slowing into eternity or rushing into a blinding flash.

The essays accompanying the canvases are like reflections in water: they do not duplicate the painting but refract it, showing its echo in the world of thought. At times the reflection appears clearer than the object itself; at other times it trembles, quivering in the wind – but it is always alive.

Each page is like a step into a labyrinth: the paintings become doors, the words corridors, and the reader a wanderer walking toward the light. Somewhere he will see the ruins of Atlantis, elsewhere the festival of solitude, elsewhere the premonition of a new star. Yet all these scenes unite into one movement: the journey of a soul seeking meaning in images.

The paintings of Atsamaz Kharebov may also be seen as mirrors of memory, reflecting forgotten experiences and lost words. They remind us that in the depths of the soul there is always something greater than we can consciously grasp. At times the paintings sound like voices of the future, quietly prophesying what has not yet come to pass. These voices guide us through darkness and mist toward what can only be revealed in its proper time.

And then the essays become more than words – they become the traveler's notes, written on the shores of inner seas.

Whoever opens this book will find themselves at a crossroads: before them lie windows, mirrors, maps, and voices. Yet only they will decide which path to take. For art does not offer ready answers – it offers keys to doors that lead into infinity.

ФИЛОСОФИЯ КАРТИН / THE PHILOSOPHY OF PAINTINGS

Картина — это окно в мир, который нельзя измерить временем и пространством. Она не подчиняется законам логики, но слушает законы сердца. В каждой мазке заключена тайна: там, где кисть касается холста, рождается не изображение, а дыхание иного измерения.

Философия картины в том, что она становится живым собеседником. Зритель не стоит перед ней, как перед вещью; он вступает с ней в диалог, как с существом. Картина задает вопросы, на которые невозможно ответить сразу. Она открывает двери в пространство, где образы становятся метафорами, а метафоры — путеводными нитями к смыслу.

Картина не копирует действительность. Она подобна зеркалу, в котором отражается не внешний мир, а внутренний. Художник превращается в медиатора между тайной бытия и человеком. И каждый зритель, соприкасаясь с картиной, открывает собственное зеркало: в нем оживают его воспоминания, его тревоги, его надежды.

Картина — это молитва без слов. Она обращена не к уму, а к сердцу. Она соединяет миф и философию,

прошлое и будущее, народное и вселенское. Так живопись перестает быть «искусством изображения» и становится искусством откровения.

В этом и заключается философия картины: она не объясняет и не доказывает. Она ведет. Ведет туда, где человек впервые остается наедине с самим собой — и, быть может, впервые слышит голос тишины.

Ацамаз пишет не красками, а вибрациями света и внутренней тишины. Его картины — это не предметный мир, а отпечатки переживаний, образов, мыслей, которые не найти в словах. Каждый цвет — как голос, каждая линия — как дыхание, каждый переход тонов — как путь души через радость и тревогу, свет и мрак, память и прозрение.

В картинах Ацамаза нет случайности. Даже абстракция у него — это не игра форм, а путь к сущностному. Там, где другие видят хаос линий и пятен, у него раскрывается ритм вселенной, ее тайная гармония. Это метафизика, вплетенная в живопись: неопишемое становится видимым, невидимое — осязаемым.

— — — — —

A painting is a window into a world that cannot be measured by time or space. It does not obey the laws of logic, but listens to the laws of the heart. Within every brushstroke lies a secret: where the brush touches the canvas, there is born not an image, but the breath of another dimension.

The philosophy of painting is that it becomes a living companion. The viewer does not stand before it as before an object; he enters into dialogue with it, as with a being. The painting asks questions that cannot be answered at once. It opens the door to a realm where images turn into metaphors, and metaphors become guiding threads toward meaning.

A painting does not copy reality. It is like a mirror in which not the outer world, but the inner one is reflected. The artist becomes a mediator between the mystery of existence and the human being. And every viewer, standing before the painting, finds their own mirror: in it awaken their memories, their anxieties, their hopes.

A painting is a prayer without words. It speaks not to the mind, but to the heart. It unites myth and philosophy, past and future, the voice of a people and the voice of the universe. Thus, painting ceases to be «the art of depiction» and becomes the art of revelation.

This is the philosophy of painting: it does not explain and it does not prove. It leads. It leads to the place where one is, perhaps for the first time, alone with oneself – and perhaps for the first time, hears the voice of silence.

Atsamaz paints not with colors, but with vibrations of light and inner silence. His paintings are not about the material world; they are imprints of experiences, images, and thoughts that words cannot contain. Every color is a voice, every line a breath, every transition of tones a journey of the soul through joy and anxiety, light and shadow, memory and revelation.

In Atsamaz's art, nothing is accidental. Even abstraction for him is not a game of forms but a path to essence. Where others might see chaos of lines and spots, he reveals the rhythm of the universe, its hidden harmony. This is metaphysics woven into painting: the indescribable becomes visible, the invisible becomes tangible.

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

РАЗБИТО... / SHATTERED...

Из хаоса линий, острых углов и вспышек цвета проступает человеческое лицо. Его взгляд прямой и ясный, но окружение похоже на осколки зеркала или стекла, в которых отразились эмоции и переживания. Это лицо — не только портрет, а символ души, которая пережила удар, потерю или внутренний кризис.

Название «Разбито...» задает ключ: перед нами состояние, когда привычный мир распался на части. Красные и яркие мазки — следы боли и страсти; бирюзовые и голубые линии — холод осколков; желтые — проблески надежды. Все это складывается в образ человека, чье внутреннее «я» оказалось окружено разломами.

Но в центре — глаза. Они смотрят сквозь хаос и остаются целыми, живыми. В этом — главное послание: даже когда жизнь разбита на фрагменты, сущность человека сохраняется. Личность может быть искажена осколками, но взгляд — это то, что связывает нас с целостностью.

Картина говорит о том, что каждый проходит через моменты разрушения — личные, эмоциональные, социальные. Но именно в трещинах проявляется глубина: осколки отражают нас с разных сторон, заставляют видеть себя иначе.

— «Разбито...» — это признание боли, но и вера в то, что из осколков можно собрать новый образ, новое «я».

Осколки не означают разрушения. Они лишь указывают на новый путь: собрать фрагменты опыта и превратить их в свет. Даже через трещины проступает живой взгляд — напоминание, что человек сильнее любого надлома.

— — — — —

From the chaos of lines, sharp angles, and flashes of color, a human face emerges. Its gaze is direct and clear, yet the surroundings resemble shards of a mirror or glass in which emotions and experiences are reflected. This face is not merely a portrait, but a symbol of a soul that has endured a blow, a loss, or an inner crisis.

The title «Shattered...» provides the key: before us is a state in which the familiar world has broken into fragments. Red and bright strokes are traces of pain and passion; turquoise and blue lines — the coldness of the shards; yellow — glimpses of hope. Together, they form the image of a person whose inner self has been encircled by fractures.

Yet at the center are the eyes. They look through the chaos and remain whole, alive. This is the main message: even when life is broken into fragments, the essence of a person endures. The personality may be distorted by the shards, but the gaze is what connects us to wholeness.

The painting speaks of the fact that everyone goes through moments of destruction — personal, emotional, and social. Yet it is precisely in the cracks that depth is revealed: the shards reflect us from different angles, compelling us to see ourselves differently.



Разбито... (худ. Ацамаз Харебов)
Shattered... (art by Atsamaz Kharebov)

– «Shattered...» is both an acknowledgment of pain and a belief that from the fragments one can assemble a new image, a new self.

Shards do not mean destruction. They only point to a new path: to gather fragments of experience and transform them into light. Even through the cracks, a living gaze emerges – a reminder that the human being is stronger than any fracture.

ПРЕДЧУВСТВИЕ / PREMONITION

Картина «Предчувствие» словно соткана из фрагментов сна и пророчества. Это мир, где привычные вещи – стул, крест, кнопка, лицо – теряют свою обыденность и превращаются в знаки. Каждый элемент здесь – символ, намек, наметанный глаз художника на то, что пока еще не случилось, но уже ощущается в воздухе.

Взгляд человеческого лица в центре картины тревожен и внимателен. Это взгляд человека, который чувствует приближение перемены. Он окружен хаотическим потоком образов: летящие кометы, обрушивающаяся стена с тяжелым шаром, животное с острым профилем. Все это говорит о неустойчивости мира, о том, что структура привычной реальности может рухнуть в любой момент.

Вместе с этим хаосом появляются и символы надежды: золотой круг света, крест, синие и зеленые пятна – цвета воды и неба, напоминающие о чистоте и обновлении.

Таким образом, «Предчувствие» – это не просто тревога, а двойственное чувство: одновременно страх перед разрушением и ожидание очищения.



Предчувствие (худ. Ацамаз Харебов)
Premonition (art by Atsamaz Kharebov)

Мы все живем в эпоху предчувствий: чувствуем угрозы, перемены, кризисы, еще до того, как они наступают. Картина напоминает, что предчувствие — это предупреждение, данное нам, чтобы мы могли подготовиться. Даже в хаосе символов остаются ориентиры: вера, внутренняя сила, способность увидеть свет сквозь тьму.

Предчувствие — это граница между настоящим и будущим. Оно дает человеку возможность услышать зов судьбы еще до того, как событие придет. Эта картина говорит: не бойся знаков, смотри им в глаза. В каждом предчувствии есть тревога, но и свет надежды.

The painting «Premonition» seems to be woven from fragments of a dream and a prophecy. It is a world where familiar things — a chair, a cross, a button, a face — lose

their ordinariness and turn into signs. Each element here is a symbol, a hint, the artist's trained eye catching what has not yet happened, but is already felt in the air.

The gaze of the human face in the center of the painting is anxious and attentive. It is the gaze of someone who senses the approach of change. He is surrounded by a chaotic stream of images: flying comets, a collapsing wall with a heavy sphere, an animal with a sharp profile. All this speaks of the instability of the world, of the fact that the structure of familiar reality can collapse at any moment.

Yet along with this chaos appear symbols of hope: a golden circle of light, a cross, blue and green patches – the colors of water and sky, reminding us of purity and renewal.

Thus, «Premonition» is not merely anxiety, but a dual feeling: both fear of destruction and anticipation of cleansing.

We all live in an age of premonitions: we sense threats, changes, crises even before they arrive. The painting reminds us that premonition is a warning given so that we may prepare. Even in the chaos of symbols, there remain guiding points: faith, inner strength, the ability to see light through darkness.

Premonition is the boundary between the present and the future. It grants a person the chance to hear the call of destiny before the event comes. This painting tells us: do not fear the signs – look them in the eye. In every premonition there is anxiety, but also the light of hope.

МНОГОМЕРНЫЙ МИР / MULTIDIMENSIONAL WORLD

Перед нами раскрывается мир, в котором привычное измерение пространства и времени растворяется, уступая место множественным слоям бытия. Центральное сияние — это Источник, излучающий свет, который соединяет все уровни и реальности. Этот свет — не только физический, но и духовный: символ жизни, сознания, смысла.

По обе стороны от света раскинуты разные сферы человеческого существования. Слева — мир камня и земли, потоков и арок, намеки на материальное и архитектурное, на корни, которые удерживают нас в плотном мире. Справа — символы быта и изобилия: пища, напитки, предметы, орудия труда. Здесь отражена повседневность и человеческая история.

Внизу, на «водной» глади, мы видим разные формы: колонну, шлем, фигуру человека в сфере света. Это как путешественники в пространстве смыслов, где каждая форма — веха, архетип, память о цивилизациях.

Картина приглашает нас задуматься: все, что мы называем «реальностью», — лишь одна из проекций многомерного пространства. Мы живем сразу в нескольких измерениях: физическом, духовном, культурном, эмоциональном. Но обычно видим только один слой, не замечая остальных.

Свет в центре — это напоминание о том, что у каждой жизни есть внутренний источник. Он одинаков для всех, и именно к нему мы стремимся, даже не осознавая этого.

Множество символов — это богатство мира, в котором человек живет одновременно: работа, дом, культура, история, духовность, природа.

Разнообразие форм на картине показывает, что жизнь никогда не одномерна: каждый из нас соединяет в себе



Многомерный мир (худ. Ацамаз Харебов)
Multidimensional World (art by Atsamaz Kharebov)

личное и общественное, материальное и духовное, временное и вечное.

Арки вверху словно открывают врата: переход в другое измерение возможен, но он требует взглянуть дальше привычных границ.

Многомерный мир напоминает, что реальность шире, чем мы думаем. Мы живем сразу в нескольких слоях: в мире вещей, в мире идей, в мире памяти и в мире будущего. Центральный свет связывает все это воедино. Человек – не просто житель трехмерного пространства, он путешественник между измерениями, ищущий свое место в бесконечной структуре бытия.

Before us unfolds a world in which the familiar dimension of space and time dissolves, giving way

to multiple layers of existence. The central radiance is the Source, emitting a light that unites all levels and realities. This light is not only physical but also spiritual: a symbol of life, consciousness, and meaning.

On either side of the light stretch different spheres of human existence. To the left – the world of stone and earth, of streams and arches, hints of the material and architectural, of the roots that hold us in the dense world. To the right – symbols of daily life and abundance: food, drink, tools, implements of labor. Here everyday existence and human history are reflected.

Below, upon the «watery» surface, we see various forms: a column, a helmet, a human figure in a sphere of light. They resemble travelers in the space of meanings, where each form is a milestone, an archetype, a memory of civilizations.

The painting invites us to reflect: all that we call «reality» is but one projection of a multidimensional space. We live simultaneously in several dimensions – physical, spiritual, cultural, emotional. Yet we usually perceive only a single layer, failing to notice the rest.

The light at the center is a reminder that every life has an inner source. It is the same for all, and it is toward it that we strive, even without knowing it.

The multitude of symbols represents the richness of the world in which a person lives at once: work, home, culture, history, spirituality, nature.

The diversity of forms in the painting shows that life is never one-dimensional: each of us unites within ourselves the personal and the collective, the material and the spiritual, the temporary and the eternal.

The arches above seem to open gateways: a transition into another dimension is possible, but it requires us to look beyond familiar boundaries.

Multidimensional World reminds us that reality is wider than we think. We live at once in several layers: in the world

of things, in the world of ideas, in the world of memory, and in the world of the future. The central light binds it all together. A person is not merely a resident of three-dimensional space – he is a traveler between dimensions, seeking his place in the infinite structure of being.

ПРАЗДНИК ОДИНОЧЕСТВА / FESTIVAL OF SOLITUDE

На картине – мистический ландшафт, где вода, горы и небо соединяются в едином пространстве. Все кажется праздничным и одновременно пустынным.

В центре – одинокая фигура, стоящая на маленьком островке, словно посреди бесконечной дороги, уходящей в свет. Она – символ человека, который остается один на пути к горизонту, где сияет закат или рассвет. Это одиночество не трагично: напротив, оно возвышенно и наполнено значением.

По обе стороны – высокие колонны, на которых стоят статуи или светящиеся шары. Они напоминают и факелы, и стражей, выстраивающих торжественный коридор. Все пространство будто готово к процессии – но человек идет один. Это и есть парадокс картины: праздник без толпы, торжество без зрителей.

Слева растет белое дерево – словно дерево жизни, лишенное листьев, но все же живое. У его корней – два маленьких существа, похожие на единорогов. Они напоминают: даже в одиночестве мы окружены тихими спутниками – символами чистоты и невидимой поддержки.

Небо полно сфер и планет, а в верхней части сияет белая фигура, похожая на пламя или на ангела. Это знак того, что одиночество открывает не пустоту, а выход к высшим мирам, где человек обретает связь с чем-то большим, чем он сам.

Картина говорит, что одиночество не всегда — отсутствие, иногда оно — путь к себе. В мире постоянного шума и общения способность остаться одному может быть праздником, внутренним ритуалом очищения. «Праздник одиночества» — это момент, когда человек чувствует величие своего пути, даже если рядом нет свидетелей. Колонны и фигуры на них символизируют, что путь каждого из нас имеет ценность, словно его освещают невидимые огни.

Одиночество не нужно бояться. В нем — открытие глубины, возможность услышать себя и увидеть свет, который ведет нас дальше. Эта картина напоминает: даже когда мы одни, мир торжествует вместе с нами.

In the painting — a mystical landscape where water, mountains, and sky merge into a single space. Everything appears both festive and desolate at the same time.

At the center stands a solitary figure on a small islet, as if in the middle of an endless road leading into the light. It is the symbol of a human being who remains alone on the path toward the horizon, where sunset or sunrise glows. This solitude is not tragic; on the contrary, it is exalted and filled with meaning.

On either side rise tall columns crowned with statues or glowing spheres. They resemble both torches and guardians, forming a solemn corridor. The entire space seems prepared for a procession — and yet the person walks alone. That is the paradox of the painting: a celebration without a crowd, a triumph without spectators.



Праздник одиночества (худ. Ацамаз Харебов)
Festival of Solitude (art by Atsamaz Kharebov)

To the left grows a white tree – like the tree of life, stripped of leaves yet still alive. At its roots are two small creatures resembling unicorns. They remind us that even in solitude we are accompanied by quiet companions – symbols of purity and invisible support.

The sky is filled with spheres and planets, and above shines a white figure, like a flame or an angel. It is a sign that solitude reveals not emptiness but an opening to higher realms, where the human being discovers connection with something greater than oneself.

The painting tells us that solitude is not always absence – at times it is the path to the self. In a world of constant noise and conversation, the ability to remain alone can itself be a festival, an inner ritual of purification.

Festival of Solitude is the moment when a person feels the grandeur of their path, even if there are no witnesses nearby. The columns and the figures upon them symbolize that each of our journeys has value, as though lit by invisible flames.

Solitude need not be feared. Within it lies the discovery of depth, the chance to hear oneself and to see the light that guides us onward. This painting reminds us: even when we are alone, the world celebrates with us.

ПОТЕРЯННАЯ АТЛАНТИДА / LOST ATLANTIS

Перед нами миф и реальность, сплетенные в единый образ. В пространстве картины величие и руины соединяются в поэзию памяти. Каменные фигуры возвышаются, как застывшие титаны и стражи, — свидетели гибели, напоминающие о том, что всякая цивилизация проходит через расцвет и падение.

Вода и небо отражают друг друга, создавая ощущение зыбкости: всё здесь словно находится между сном и явью. На горизонте горит солнце-закат, окрашивающий мир в апокалиптические и в то же время рассветные тона. В этом свете чувствуется закон циклов: исчезновение и возрождение, гибель и новое начало.

На гладкой поверхности воды покоятся сияющие сферы, будто кристаллы памяти. Они заключают в себе энергию прошлых миров, утраченные истины и духовные сокровища. В них отражаются и огонь, и свет, и тоска по совершенству.

Человек с посохом, протянувший руку к одной из сфер, становится символом человечества: мы всегда ищем то, что потеряли, зовем к себе Атлантиду, стремимся соединиться с древней мудростью. Но рядом стоит каменная статуя – предупреждение о том, что путь поиска может обернуться либо откровением, либо окаменением в прошлом.

Атлантида в этой картине – не только мифический материк. Она – образ всего, что исчезает: забытых культур, утраченных истин, нашей собственной внутренней целостности. Картина говорит: ничто не исчезает окончательно. В мифе, в памяти, в тоске по утраченному Атлантида продолжает жить. И каждый из нас носит в себе ее отблеск – свой собственный затонувший континент души.

— — — — —

Before us lie myth and reality, woven into a single image. In the space of the painting, grandeur and ruin merge into a poetry of memory. Stone figures rise like frozen titans and guardians – witnesses of destruction, reminding us that every civilization passes through its own ascent and decline.

Water and sky mirror one another, creating a sense of uncertainty: everything here seems suspended between dream and waking. On the horizon burns a setting sun, painting the world in both apocalyptic and dawning tones. In its light is felt the law of cycles: disappearance and rebirth, downfall and new beginning.

Upon the still surface of the waters rest shining spheres, like crystals of memory. They hold within themselves the energy of vanished worlds, lost truths, and spiritual treasures. In them are reflected fire, light, and humanity's longing for perfection.

A man with a staff, reaching toward one of the spheres, becomes the symbol of humankind: forever searching for what has been lost, forever calling Atlantis back, striving to be joined again with ancient wisdom. Yet beside him



Потерянная Атлантида (худ. Ацамаз Харебов)
Lost Atlantis (art by Atsamaz Kharebov)

stands a stone statue – a warning that the path of seeking may end either in revelation or in petrification within the past.

Atlantis in this painting is not only a mythical continent. It is the image of all that disappears: forgotten cultures, abandoned truths, our own lost wholeness. The painting tells us: nothing vanishes completely. In myth, in memory, in the longing for what is gone, Atlantis endures. And each of us carries within a reflection of it – our own sunken continent of the soul.

АПОКАЛИПСИС / APOCALYPSE UNVEILED

Мы видим мир, расколовшийся на обломки. Каменные бастионы напоминают древние храмы и одновременно — лица, застывшие в страдании. Земля разошлась трещинами, из которых вырывается огонь, словно сама планета больше не в силах сдерживать накопленную боль. Среди этой пустыни движутся тени людей — маленькие, беспомощные, но всё же продолжающие путь.

Однако в небе рождается иной знак: сфера, похожая на Землю, оплетённая огненными ветвями. Она парит над руинами, как сердце, которое ещё бьётся, несмотря на гибель тела. Здесь Апокалипсис становится не концом, а откровением. В нём — не только разрушение, но и очищение, снятие покрова, обнажение истины.

Эта картина говорит: миры рушатся, цивилизации погибают, но в самом акте разрушения таится возможность нового начала. Там, где вспыхнул огонь, пробьётся росток. Там, где трещина, проявится свет.

Апокалипсис у Ацамаза — это не смерть, а переход. И даже если человек мал и уязвим, он способен пройти сквозь огонь, чтобы встретить рождение нового дня.

We gaze upon a world broken into scattered shards. Stone bastions resemble ancient temples and, at the same time, faces frozen in silent suffering. The earth has split apart, fire erupting from its wounds, as if the planet itself can no longer contain the burden of accumulated pain. Amid this desolation move shadows of people — small, fragile, yet still walking forward.

And yet, in the sky appears another sign: a sphere resembling the Earth, entwined with fiery branches. It



Апокалунсис (худ. Ацамаз Харебов)
Apocalypse Unveiled (art by Atsamaz Kharebov)

hovers above the ruins like a heart still beating despite the body's demise. Here Apocalypse is not an ending but a revelation. It carries not only destruction, but also purification – the lifting of veils, the unveiling of truth.

This painting tells us: worlds collapse, civilizations perish, but within the very act of ruin lies the seed of a new beginning. Where fire has burned, a sprout will rise. Where there is a fracture, light will break through.

In Atsamaz's vision, Apocalypse is not death but transition. And even if humankind is small and vulnerable, it can pass through the fire to witness the birth of a new dawn.

МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ / METAPHYSICS OF BEING

На картине фигура мыслителя возвышается над миром, словно сама гора обратилась в человеческое тело. Он сидит, склонив голову, и погружен в молчаливое размышление. Его поза – не жест страдания, а напряженное слушание тишины.

Под ним – процессия людей, крошечных в сравнении с гигантской фигурой. Они идут цепочкой по пустынной равнине, как по пути истории. Каждый из них несет свою судьбу, но все они движутся под взглядом молчаливого колосса, который символизирует саму мысль, саму способность человека к созерцанию.

Луна на фоне – как второе око, небесное зеркало, которое вместе с великаном взывает к вечности. Свет ее холоден, но не мертв – он освещает дорогу тем, кто ищет.

«Метафизика бытия» – это не вопрос и не ответ, а пауза, в которой человек встречается с бесконечностью. Мы – странники, маленькие и хрупкие, но над нами всегда возвышается фигура Размышления, напоминающая: быть – значит спрашивать.

Картина говорит о том, что величие человека не в силе, а в способности задуматься. В этом акте созерцания и рождается метафизика – тайна бытия, которая не открывается в словах, но живет в молчании.

In the painting, the figure of a thinker rises above the world, as if the mountain itself has turned into a human body. He sits with his head bowed, immersed in silent reflection. His posture is not one of suffering but of intense listening to silence.



Метафизика бытия (худ. Ацсамаз Харебов)
Metaphysics of Being (art by Atsamaz Kharebov)

Beneath him stretches a procession of people, tiny compared to the giant figure. They walk in a line across a desolate plain, as if along the path of history. Each carries their own destiny, yet all move under the gaze of the silent colossus who embodies thought itself, the very capacity of humanity for contemplation.

The moon in the background is like a second eye, a celestial mirror, calling together with the giant toward eternity. Its light is cold, yet not lifeless – it illuminates the way for those who seek.

Metaphysics of Being is neither question nor answer, but a pause in which humanity encounters infinity. We are

wanderers, small and fragile, yet above us always stands the figure of Reflection, reminding us: to be is to ask.

This painting tells us that human greatness lies not in power but in the ability to wonder. In that act of contemplation arises metaphysics – the mystery of being, which is not revealed in words but dwells in silence.

НЕИСПИТАЯ ЧАША / UNTASTED CHALICE

Есть мгновение между решимостью и страхом – тонкая грань, где рождается судьба. Перед нами – пространство ожидания и выбора. Скалы и горы образуют строгий фон, а вода с ее прозрачной глубиной превращает пейзаж в символ времени. В центре композиции – фигура женщины, застывшая у огромного сосуда. Чаша сияет, словно таит в себе тайну, но остается нетронутой.

Лестница, ведущая вниз, и потоки воды, падающие с высоты, напоминают о движении жизни, о постоянном течении. Но сама чаша – неподвижна. Она ждет. Она хранит то, что может быть открытием или испытанием.

Название «Неиспитая чаша» звучит как метафора человеческой судьбы. В каждой жизни есть испытание, встреча с чем-то неизбежным. Но пока чаша не поднята, остается пространство для выбора, для надежды, для свободы.

Фигура на картине словно в сомнении: стоит ли прикоснуться к этой чаше? Ответа нет – и именно в этом сила образа. Зрителю передана та же пауза, то же колебание.



Неиспитая чаша (худ. Ацамаз Харебов)
Untasted Chalice (art by Atsamaz Kharebov)

Картина напоминает: есть в нашей жизни тайны, к которым мы приближаемся, но не всегда решаемся коснуться. Иногда сама возможность выбора оказывается важнее, чем его результат.

There is a moment between resolve and fear – a fragile line where destiny is born. Before us lies a space of waiting and choice. Cliffs and mountains form a solemn background, while the transparent depth of the water turns the landscape into a symbol of time. At the center stands the figure of a woman, frozen before a great vessel. The chalice glows as if it holds a secret, yet it remains untouched.

The staircase leading downward and the streams of water falling from above recall the constant flow of life. And yet the chalice itself is still. It waits. It holds within it what may be revelation or trial.

The title «*The Untasted Chalice*» resounds as a metaphor for human destiny. In every life there is an ordeal, an encounter with the inevitable. But as long as the chalice is not lifted, there remains space for choice, for hope, for freedom.

The figure in the painting seems caught in hesitation: should one reach for the chalice? No answer is given – and therein lies the power of the image. The viewer inherits the same pause, the same trembling moment.

This painting reminds us: in life there are mysteries we approach but do not always dare to touch. Sometimes the very possibility of choice matters more than the outcome.

КВАНТОВЫЙ МИР / QUANTUM REALM

Мы привыкли к линейности: есть день и ночь, жизнь и смерть, победа и поражение. Но в глубине реальности скрыт иной порядок, где ничто не окончательно. Там каждая частица существует сразу в нескольких возможностях, каждая дорога одновременно открыта и закрыта. Это – квантовый мир.

Он словно зеркало для человеческого сознания: мы тоже живем в суперпозиции. В нас живут разные «я» – тот, кто любит, и тот, кто боится; тот, кто действует, и тот, кто

молчит. Пока мы не делаем выбор, все эти «я» реальны. Но стоит выбрать — и одна возможность свернется, а другая станет судьбой.

В квантовом мире нет абсолютной твердости, все пульсирует и колеблется. И, может быть, искусство ближе всего к этой зыбкости. Картина или музыка тоже существуют в суперпозиции: пока мы не посмотрим, она может быть и образом, и символом, и дверью в иной мир. Только наш взгляд закрепляет ее, сворачивая тысячу возможностей в одну.

Может быть, квантовый мир учит нас смирению: мы не центр Вселенной, а одна из ее возможностей. Но и надежде: пока есть суперпозиция, будущее не предрешено. Мы — частицы выбора, и наша свобода в том, чтобы не останавливаться на одной реальности.

Эта картина словно приглашает взглянуть на реальность в ее хрупкой, невидимой основе. Перед нами — мир, где пространство неустойчиво, а материя прозрачна, как дыхание. Пузыри-сферы парят над землей и водой, отражая свет, небо и тени, — они похожи на атомы, мыльные пузыри и маленькие вселенные одновременно.

Здесь нет привычной твердости. Горы и дерево будто растворяются, становятся линиями на границе сна и яви. Все пространство дышит множественностью: одно и то же может быть реальным и иллюзорным, целым и разбитым, началом и концом.

В этой зыбкости возникает главный символ картины — возможность. Квантовый мир — это не хаос, а состояние ожидания: каждая частица хранит в себе тысячу дорог, и только взгляд определяет, какая из них станет реальностью.

Картина Ацамаза говорит о нас самих: мы тоже состоим из множества «я». Мы — и страх, и надежда, и память, и мечта. Пока мы не выбираем, все это живет внутри нас одновременно. И, может быть, именно в этой множественности и заключается тайна свободы.



Квантовый мир (худ. Ацамаз Харебов)
Quantum Realm (art by Atsamaz Kharebov)

«Квантовый мир» — напоминание, что реальность не фиксирована. Она течет, колеблется, открывает бесконечные пути. И каждый человек — как наблюдатель, чье присутствие рождает саму ткань бытия.

— — — — —
We are accustomed to linearity: there is day and night, life and death, victory and defeat. Yet in the depths of reality another order is hidden, where nothing is ever final. There, every particle exists in multiple possibilities at once, every road is simultaneously open and closed. This is the quantum world.

It is like a mirror of human consciousness: we, too, live in superposition. Within us dwell different selves — the one who loves and the one who fears; the one who acts and the one who remains silent. Until we make a choice, all these selves are real. But once we choose, one possibility collapses, and another becomes destiny.

In the quantum world there is no absolute solidity; everything pulses and trembles. And perhaps art is closest to this fragility. A painting or a piece of music also exists in superposition: until we look, it can be image, symbol, or doorway into another world. Only our gaze secures it, collapsing a thousand possibilities into one.

Perhaps the quantum world teaches us humility: we are not the center of the Universe, but one of its possibilities. And it teaches us hope as well: as long as superposition endures, the future is not predetermined. We are particles of choice, and our freedom lies in not confining ourselves to a single reality.

This painting invites us to glimpse reality in its fragile, invisible foundation. Before us lies a world where space is unstable and matter is as transparent as breath. Bubbles and spheres hover above earth and water, reflecting light, sky, and shadows – they resemble atoms, soap bubbles, and miniature universes all at once.

Here, solidity dissolves. Mountains and a lone tree fade into outlines, becoming lines at the border between dream and waking. The entire space breathes multiplicity: the same thing can be both real and illusory, whole and broken, beginning and end.

Out of this uncertainty emerges the central symbol of the painting – possibility. The quantum world is not chaos but a state of waiting: each particle holds a thousand paths, and only the gaze decides which will become reality.

Atsamaz's work speaks of ourselves: we too are made of many selves. We are fear and hope, memory and dream. Until we choose, all of these live within us at once. And perhaps within this multiplicity lies the secret of freedom.

«Quantum World» is a reminder that reality is never fixed. It flows, it trembles, it opens infinite paths. And every human being is like an observer, whose very presence gives birth to the fabric of existence.

КВАНТОВЫЙ ПЕРЕХОД / QUANTUM PASSAGE

Эта картина говорит не о науке — она о жизни.

Квадраты, уходящие вдаль, похожи на ступени нашего пути: детство, юность, зрелость, старость. Мы не идем по ним плавно; мы совершаем прыжки, делаем выбор, меняемся. Каждый такой прыжок — это переход.

Парящие сферы — это наши возможности и мгновения. Одни сияют ярко, другие едва заметны; одни близки, другие далеки. Каждый из нас тянется к тому, что зовет его: к дружбе, к любви, к новому делу или к тишине.

Отражение в воде напоминает, что у всего есть две стороны: внешняя и внутренняя, видимая и скрытая. Наши поступки отзываются в жизни других, как деревья отражаются в зеркале озера.

Так «Квантовый переход» говорит не о частицах, а о нас самих: о том, как мы растем, как переступаем из одного состояния в другое, и как каждый переход зажигает свет — в нас самих и вокруг нас.

Жизнь не течет прямой линией — она движется скачками. Каждый переход открывает новые горизонты, новые смыслы, новые встречи.

Как свет, рождающийся из тишины, наши шаги освещают путь и нам, и другим.

Эта работа — о переменах, силе, без которой невозможно движение вперед.

This painting does not speak of science — it speaks of life.

Squares receding into the distance resemble the steps of our path: childhood, youth, maturity, old age. We do not move across them smoothly; we leap, we choose, we change. Each leap is a passage.



Квантовый переход (худ. Ацамаз Харебов)
Quantum Passage (art by Atsamaz Kharebov)

The floating spheres are our moments and possibilities. Some shine brightly, others barely glimmer; some lie close, others far away. Each of us reaches toward what calls to us: friendship, love, a new endeavor, or silence.

The reflection in the water reminds us that everything has two sides: outer and inner, visible and hidden. Our actions echo in the lives of others, as trees reflect in the mirror of a lake.

Thus, Quantum Transition is not about particles, but about us: about how we grow, how we cross from one state into another, and how each passage kindles light – within ourselves and around us.

Life does not flow in a straight line – it moves in leaps. Every transition opens new horizons, new meanings, new encounters.

Like light born from silence, our steps illuminate the path – for us, and for others.

This work is about change, about the power without which no movement forward is possible.

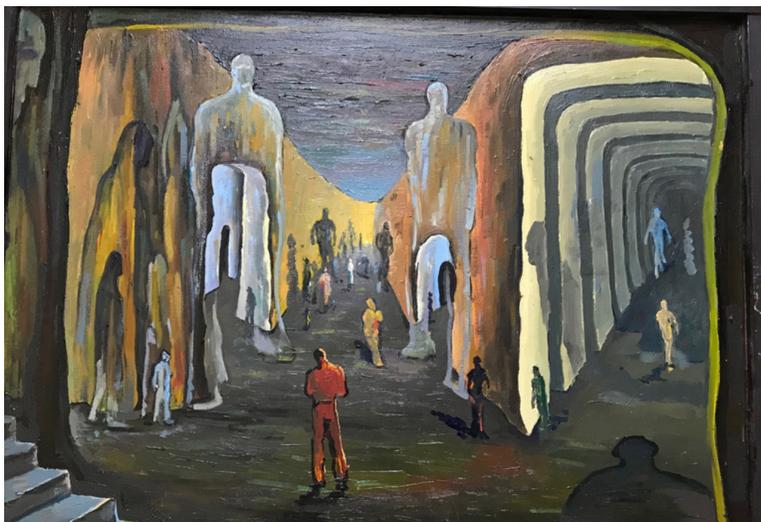
ТРОПА СТАЛКЕРА / THE STALKER'S TRAIL

Только тот, кто входит в тень, может увидеть свет иного мира. Перед нами – пространство переходов и теней. Высокие фигуры вырастают из стен, превращаясь в врата, в проходы, в коридоры. Они – не люди и не статуи, а живые тени памяти, хранители неведомого пути.

В центре картины – человек в красном. Он стоит на пороге, как ищущий, как странник, готовый войти в мир, где нет ясных границ. Вокруг него – множество силуэтов, уходящих вдаль, растворяющихся в перспективе. Каждый из них – как возможное будущее, как отражение чужих судеб или собственных «я».

Название «Тропа Сталкера» отсылает к образу проводника в неизвестное. Это человек, который идет туда, куда другие не решаются ступить, и возвращает оттуда не ответы, а вопросы. В его шаге нет уверенности, но есть решимость: войти в пространство, где сама реальность становится зыбкой.

Картина говорит о том, что у каждого есть свой путь в неведомое. Мы все становимся сталкерами, когда проходим через коридоры жизни, где тени прошлого и будущего



Тропа Сталкера (худ. Ацамаз Харебов)
The Stalker's Trail (art by Atsamaz Kharebov)

тянутся рядом с нами. И главное — не бояться этих теней, ведь они лишь отражения нас самих.

— — — — —
Only one who steps into the shadow can glimpse the light of another world. Before us lies a space of passages and shadows. Towering figures rise from the walls, turning into gates, into corridors, into thresholds. They are neither people nor statues, but living silhouettes of memory, guardians of an unknown path.

At the center of the canvas stands a man in red. He pauses on the threshold, a seeker, a wanderer ready to enter a world without clear borders. Around him move countless figures receding into the distance, dissolving in perspective. Each one is like a possible future, an echo of other destinies, or fragments of his own selves.

The title «*The Stalker's Trail*» evokes the image of a guide

into the unknown. He is the one who goes where others dare not step, bringing back not answers but questions. In his stride there is no certainty, only resolve — to enter a space where reality itself becomes unstable.

This painting tells us that each of us has our own path into the unknown. We all become stalkers when we walk through the corridors of life, where shadows of past and future stretch beside us. And the key is not to fear these shadows, for they are only reflections of ourselves.

МОИ МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ / REFLECTIONS OF METAPHYSICS

Картина встречает нас тишиной. Руины замка на фоне гор кажутся обломками не только камня, но и времени. Они стоят посреди долины, словно память, которую невозможно стереть, но которая уже не принадлежит живому настоящему.

Небо прозрачно и спокойно, но в нем — странные знаки. Огненная сфера висит, как второе солнце или далекая планета, напоминая, что над историей человека всегда парит что-то большее, чем он сам.

Одинокое дерево без листвы, его ветви, вытянутые к небу, — словно нервные линии мысли, пронзающие пространство. Они тянутся ввысь, как вопрос, как сомнение, как поиски ответа.

Эта работа — не пейзаж в обычном смысле. Это внутреннее размышление, в котором природа, руины и небо



Мои метафизические размышления (худ. Ацамаз Харебов)
My Metaphysical Reflections (art by Atsamaz Kharebov)

становятся образом души. Замок — символ того, что рушится. Дерево — символ того, что ищет. Светила на небе — символ того, что остается непостижимым.

Метафизика здесь не в отвлеченных формулах, а в ощущении: человек всегда живет между руинами и звездами, между прошлым и вечностью. И каждый пейзаж становится зеркалом нашей собственной мысли.

— — — — —

The painting greets us with silence. The ruins of a castle against the mountains appear as remnants not only of stone but of time itself. They stand in the valley like a memory that cannot be erased, yet no longer belongs to the living present.

The sky is transparent and calm, yet it carries strange signs. A fiery sphere hovers like a second sun or a distant

planet, reminding us that above human history there always floats something greater than ourselves.

A solitary leafless tree, its branches stretched upward, resembles the nervous lines of thought piercing the air. They reach toward the heights like a question, a doubt, a search for an answer.

This work is not a landscape in the ordinary sense. It is an inner meditation where nature, ruins, and sky become the shape of the soul. The castle is the symbol of what collapses. The tree is the symbol of what seeks. The celestial orbs are the symbol of what remains beyond comprehension.

Metaphysics here is not found in abstract formulas but in a feeling: humanity always dwells between ruins and stars, between the past and eternity. And every landscape becomes a mirror of our own thought.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ / PARALLEL REALMS

Эта картина словно открывает дверь в многослойную Вселенную. Перед глазами зрителя переплетаются образы, принадлежащие разным измерениям: древние города и фигуры воинов, женский лик в глубине светящегося круга, фантастический всадник на крылатом коне, тени иных цивилизаций. Все здесь существует рядом, но не соприкасается напрямую — каждый мир идет своей дорогой, сохраняя собственную тайну.

Слева — каменные лики, словно вырезанные из гор, напоминание о том, что миф и история всегда соседствуют.



Параллельные миры (худ. Ацамаз Харебов)
Parallel Realms (art by Atsamaz Kharebov)

Справа — стихия движения: кони, копья, крылья, пламя. А над всем — сияющий круг, как символ границы между реальностями.

Название «Параллельные миры» говорит о том, что мы никогда не живем лишь в одном пространстве. В нас пересекаются разные пласты: прошлое и будущее, миф и реальность, видимое и сокрытое. Иногда они соприкасаются — и тогда рождается озарение.

Картина напоминает: все, что мы считаем «несуществующим», может быть лишь иным слоем бытия. Мы — жители одного мира, но наша душа чувствует прикосновение параллельных миров.

— — — — —

This painting opens a doorway into a layered universe.

Before the viewer's eyes, images intertwine, each belonging to a different dimension: ancient cities and warrior figures, the serene face of a woman within a radiant circle, a fantastical rider on a winged horse, and shadows of other civilizations. All exist side by side, yet do not directly touch – each world follows its own path, preserving its own mystery.

On the left, stone faces carved from the mountains remind us that myth and history always stand together. On the right, the realm of movement unfolds: horses, spears, wings, fire. And above it all hovers a shining circle, a symbol of the boundary between realities.

The title «*Parallel Worlds*» suggests that we never live in a single space alone. Within us, multiple layers intersect: past and future, myth and reality, the visible and the hidden. At times they brush against one another – and in those moments, revelation is born.

This painting reminds us: everything we consider «nonexistent» may simply be another layer of existence. We are inhabitants of one world, but our souls feel the touch of parallel worlds.

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА / TROUBLED TIMES

Смутные времена всегда приходят внезапно. Они словно надвигаются с горизонта, окрашенного тревожным небом, где светило горит не как солнце, а как знак испытания. В этом желтом круге есть и свет, и угроза: он согрева-

ет, но и спит, давая понять, что ясность может обернуться огнем.

На переднем плане человек идет по ступеням. Его фигура мала в сравнении с исполинскими сооружениями и космическими образами вокруг. Но именно в этой малости — величие: человек продолжает движение даже тогда, когда мир вокруг дрожит и рушится.

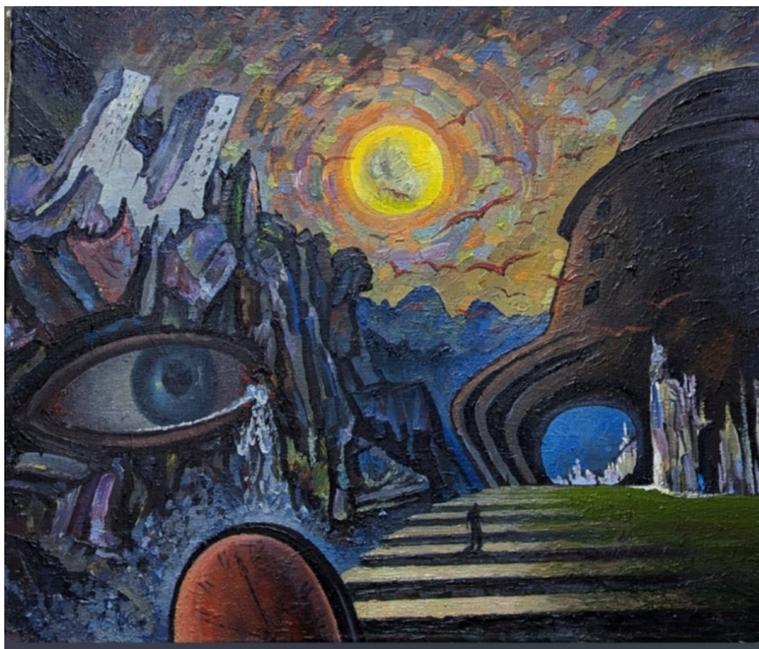
Слева из скал глядит огромное око — всевидящее, в котором застыла слеза. Это слеза истории, слеза памяти. Она падает как поток воды, питающий землю, — напоминание о том, что даже в скорби есть источник жизни. Каменные стены, словно лица, скрывают в себе страдание и молчаливый протест.

Справа возникает гигантское здание с аркой, уходящей в голубую глубину. Это может быть и храм, и крепость, и вход в иной мир. Оно стоит мрачно и величественно, как символ будущего, которое открывается не сразу, а требует смелости войти в его ворота.

Небо наполнено птицами, но их полет тревожен, беспорядочен. Они напоминают мысли, мечущиеся в смятении, когда нет ясности и покоя. Это — дыхание смутных времен: разорванность, неопределенность, борьба тьмы и света.

Но среди этого хаоса человек идет вперед. Он мал, но его путь велик. В этом образе заключена философия картины: смутные времена страшны, но именно в них рождается стойкость. Испытания очищают, боль становится памятью, а движение вперед — единственным ответом на тьму.

Картина «Смутные времена» напоминает: история всегда проходит через бури. Но там, где плачет камень и светится тревожное солнце, всегда есть шаг человека, который не сдается. И именно этот шаг ведет нас к новой ясности.



Смутные времена (худ. Ацмаз Харебов)
Troubled Times (art by Atsamaz Kharebov)

Troubled times always come suddenly. They arrive like a horizon shrouded in storm, with a sky where the sun burns not as a source of warmth, but as a sign of trial. In its yellow circle lies both light and threat: it gives brightness, yet blinds, showing that clarity itself can become fire.

In the foreground, a solitary figure ascends the steps. Compared to the colossal structures and cosmic symbols around, the human form is small. Yet in this smallness lies greatness: man continues his path even when the world trembles and collapses around him.

On the left, from within the cliffs, stares a colossal eye – all-seeing, holding a tear. It is the tear of history, the tear

of memory. Falling as a stream, it nourishes the earth – a reminder that even in sorrow lies the source of life. The stone walls, like faces, conceal both suffering and silent protest.

To the right rises a monumental building with an arch opening into blue depth. It may be a temple, a fortress, or a gateway to another world. It stands dark and immense, a symbol of the future that does not reveal itself immediately, but demands the courage to enter.

The sky is filled with birds, but their flight is restless, chaotic. They resemble thoughts scattering in confusion when clarity and peace are absent. This is the breath of troubled times: fragmentation, uncertainty, the struggle of light and shadow.

Yet within this chaos, the figure moves forward. Small though it is, its path is vast. In this image lies the philosophy of the painting: troubled times are fearsome, but within them resilience is born. Trials purify, pain becomes memory, and moving forward remains the only answer to darkness.

The painting «*Troubled Times*» reminds us: history always passes through storms. But where stone weeps and the sun burns with unease, there is always the step of man who does not surrender. And it is this step that leads us toward a new clarity.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

КОСТА / KOSTA

Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня,
Вселенная – отечество мое... – Коста Хетагуров

На этой картине Коста Хетагуров¹ предстает в сиянии – не только как человек, но как символ, как проводник света. Его сердце горит красным пламенем, словно сама любовь, обращенная к народу. Этот огонь не пожирает, но освещает дорогу: лучи, исходящие от сердца, падают на карту Осетии, превращая ее в пространство памяти и судьбы.

Вокруг – многоголосый мир. Небо усыпано планетами и звездами, как напоминание о том, что творчество Коста принадлежит не только своей земле, но и всему человече-

¹ Коста Леванович Хетагуров (1859–1906) – Осетинский поэт, драматург, публицист, этнограф, живописец, общественный деятель. Основоположник осетинской литературы и осетинского литературного языка.

ству. Его слова звучат сквозь века, как часть вселенской гармонии.

На картине рядом с поэтом мы видим сцены из жизни – труд, горе, молитву, полет души. Эти образы словно вырастают из его стихов: в них и страдание народа, и его надежда, и обращение к вечности.

Цепь людей, обрамляющая карту, – это сам народ, соединенный словом Коста, стоящий плечом к плечу. Они образуют живую границу, не политическую и не военную, а духовную, сотканную из памяти и единства.

Но главное – сам образ поэта. В его спокойной фигуре заключена целая философия: писатель – не властитель, не воин, а тот, кто несет свет сердца. Его сила – в слове, его оружие – истина, его подвиг – верность.

Эта картина – гимн не только Коста Хетагурову, но и самой идее культуры: слово способно соединять поколения, хранить историю, преображать страдание в красоту. И потому фигура Коста здесь сияет как вечный знак: пока есть его поэзия, есть и дорога, ведущая к свету.

In this painting, Kosta Khetagurov¹ appears in radiance – not merely as a man, but as a symbol, a bearer of light. His heart burns with red flame, like pure love offered to his people. This fire does not consume but illuminates, its rays falling upon the map of Ossetia, turning it into a landscape of memory and destiny.

Around him lies a polyphonic world. The sky is strewn with planets and stars, a reminder that Kosta's legacy belongs not only to his homeland but to all humanity. His words resound through centuries, as part of the universal harmony.

¹ Kosta Levanovich Khetagurov (1859–1906) – Ossetian poet, playwright, publicist, ethnographer, painter, and public figure. The founder of Ossetian literature and the Ossetian literary language.



КОСТА (худ. Ацмаз Харебов)
Kosta (art by Atsamaz Kharebov)

Scenes of life surround the poet – labor, sorrow, prayer, the flight of the soul. These are images drawn from his poetry: the suffering of his people, their hope, their address to eternity.

The chain of people framing the map is the nation itself, bound together by Kosta's word, standing shoulder to shoulder. They form a living border – not political, not military, but spiritual, woven from memory and unity.

But above all, the central image is the poet himself. In his calm figure lies a philosophy: a writer is not a ruler, not a warrior, but one who carries the light of the heart. His strength is in words, his weapon is truth, his legacy is loyalty.

This painting is a hymn not only to Kosta Khetagurov but to the very idea of culture: that words can unite generations, preserve history, and transform suffering into beauty. Thus his figure shines here as an eternal sign: as long as his poetry exists, there will always be a path leading toward the light.

ХРАМ МОЕЙ ДУШИ / THE TEMPLE OF MY SOUL

В каждом городе есть храм, который возвышается над крышами домов. Но на этой картине храм – не просто архитектура, а образ внутреннего мира человека. Его стены – это стены памяти, его купол – свод духа, его свет – дыхание души.

Снег ложится на крыши и деревья, превращая их в хрустальные облака. Белизна зимы очищает простран-

ство, делая его похожим на молитву. В этой тишине храм словно звучит без слов: он говорит не колоколами, а самим своим присутствием.

Образ «храма моей души» рождает философскую мысль: каждый человек строит в себе внутренний храм. В нем нет стен из камня, но есть своды из веры, надежды и любви. И как город не может быть самим собой без храма, так и душа не может быть целостной без этого внутреннего пространства.

Картина показывает храм среди домов, среди повседневности. Это важный символ: духовное всегда стоит рядом с обыденным. Оно не отделено, оно вплетено в саму ткань жизни. И потому храм становится образом нашей способности видеть вечное в земном, высокое в простом.

Зимние краски — сдержанные, голубые, серебристые — подчеркивают идею покоя и чистоты. Здесь нет тревоги, нет движения толпы. Все замирает в ожидании, и именно в этой тишине душа находит храм.

Эта картина напоминает: храм души нельзя разрушить временем. Он всегда с нами, в каждом дыхании, в каждом взгляде к небу. Его стены — это наши мысли, его свет — наша вера, его высота — наша способность подниматься над собой.

In every city there is a temple that rises above the rooftops. But in this painting, the temple is not merely architecture — it is the image of the inner world of a human being. Its walls are the walls of memory, its dome the vault of spirit, its light the breath of the soul.

Snow rests upon rooftops and trees, turning them into crystal clouds. The whiteness of winter cleanses the space, making it resemble a prayer. In this silence, the temple seems to speak without words: not with bells, but through its very presence.



Храм моей души (худ. Ацамаз Харебов)
The Temple of My Soul (art by Atsamaz Kharebov)

The image of the «temple of my soul» gives rise to a philosophical thought: every person builds an inner temple within themselves. It has no walls of stone, but it has arches of faith, hope, and love. And just as a city cannot be itself without a temple, so the soul cannot be whole without this inner space.

The painting shows the temple among houses, amid everyday life. This is an important symbol: the spiritual always stands beside the ordinary. It is not separate – it is woven into the very fabric of life. And thus the temple becomes an image of our capacity to see the eternal in the earthly, the lofty in the simple.

The winter tones – restrained blues and silvers – emphasize the idea of stillness and purity. Here there is no anxiety, no rush of the crowd. Everything falls silent in expectation, and it is precisely in this silence that the soul finds its temple.

This painting reminds us: the temple of the soul cannot be destroyed by time. It is always with us – in every breath, in every glance toward the sky. Its walls are our thoughts, its light our faith, its height our ability to rise above ourselves.

РАЗДЕЛ III. РОДИНА И ДЕТСТВО

ДОМ МОЕГО ДЕТСТВА / THE HOUSE OF MY CHILDHOOD

Дом моего детства стоит на перекрестке памяти и настоящего. Его окна — как глаза, в которых отражаются все годы, прожитые здесь: утренний свет, детский смех, первые страхи и первые надежды. Каждая занавеска, каждый балкон, каждая дверь — это глава в книге, которую пишешь не ты один, а весь твой мир.

Старые стены знают то, чего мы сами забыли. Они помнят шаги, хлопки дверей, теплые разговоры на кухне, первые встречи и прощания. В этих тенях и бликах живет прошлое, которое никогда не уходит окончательно. Оно просто отступает вглубь, чтобы однажды вернуться — запахом хлеба, тенью облака, эхом далекой песни.

На этой улице даже тишина звучит иначе: она наполнена голосами ушедших лет. Солнечные лучи, падая на стены, словно раскрывают скрытую ткань времени: дом уже не тот, а ты все еще тот ребенок, что бежит по двору, спотыкаясь о камни и глядя в безоблачное небо.



Дом моего детства (худ. Ацамаз Харебов)
The House of My Childhood (art by Atsamaz Kharebov)

Дом моего детства — это не здание, а пространство внутри сердца. Оно не принадлежит кирпичам и балконам, а памяти и душе. Этот дом никогда не будет разрушен до конца, потому что он стоит на земле нашего внутреннего мира.

И потому, когда я смотрю на картину, я вижу не улицу и не машины, а узнаю себя. В этом месте сходятся два времени — прошлое и настоящее. Здесь учишься понимать: все меняется, но остается нечто, что сильнее времени — свет, в котором отражается наша жизнь.

The house of my childhood stands at the crossroads of memory and the present. Its windows are like eyes,

reflecting all the years lived here: the morning light, children's laughter, the first fears, and the first hopes. Every curtain, every balcony, every door is a chapter in a book written not by you alone, but by your entire world.

Old walls know what we ourselves have forgotten. They remember footsteps, the slam of doors, warm conversations in the kitchen, first meetings and farewells. In these shadows and glimmers lives the past, which never truly leaves. It simply recedes into depth, only to return one day – in the scent of bread, in the shadow of a cloud, in the echo of a distant song.

Even silence sounds different on this street: it is filled with the voices of vanished years. Sunlight falling on the walls seems to reveal the hidden fabric of time: the house is no longer the same, yet you are still the child running through the yard, stumbling over stones, and gazing into a cloudless sky.

The house of my childhood is not a building, but a space within the heart. It does not belong to bricks and balconies, but to memory and soul. This house will never be fully destroyed, because it stands upon the ground of our inner world.

And so, when I look at the painting, I do not see a street or the cars, but I recognize myself. In this place two times meet – past and present. Here we learn to understand: everything changes, yet something remains stronger than time – the light in which our life is reflected.

РОДНЫЕ МЕСТА / NATIVE PLACES

Перед нами – старая улица, дома, деревья, церковь с крестом, уходящие вдаль. Все знакомо и просто: камни на дороге, крыши, потемневшие от времени, свет, который ложится на стены мягкими бликами. Но в этой простоте заключена сила, потому что именно она пробуждает в нас чувство корня.

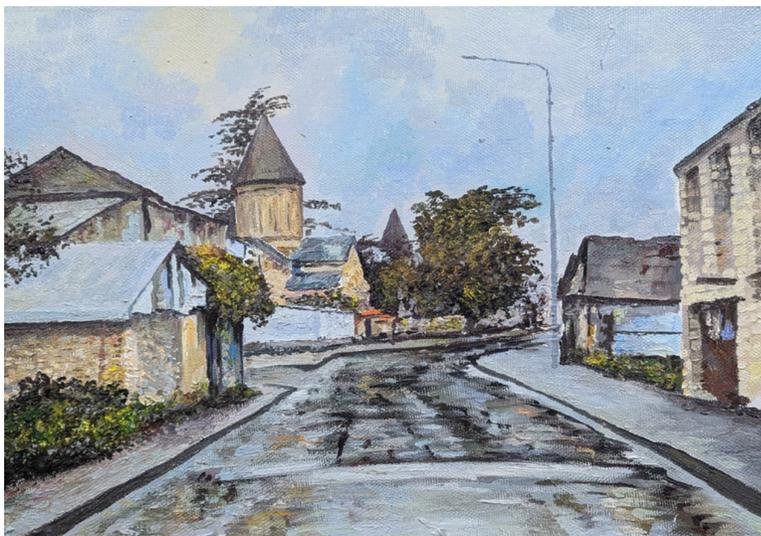
«Родные места» – это не просто изображение деревни или города, это образ истока. Здесь каждый дом хранит память, каждый камень мостовой знает шаги тех, кто жил до нас. В этой тишине слышатся не только звуки настоящего, но и эхо прошлого: смех, молитвы, голоса предков.

Картина словно напоминает: у каждого человека есть своя точка возвращения. И даже если жизнь уводит нас далеко, в сердце всегда остаётся дорога к родным местам. Это дорога не только географическая, но и духовная.

Свет на горизонте в картине – это обещание. Родина может быть суровой, скромной, лишенной блеска, но в ней всегда есть правда. И именно эта правда делает ее для нас бесценной.

«Родные места» показывают: возвращение – это не бегство от настоящего, а встреча с самим собой. Ведь человек без корня – как дерево без почвы. А родина дает ту землю, из которой прорастают наши силы, наши мечты и наша вера.

Before us lies an old street, houses, trees, and a church crowned with a cross fading into the distance. Everything here is familiar and simple: stones in the road, rooftops darkened by time, light resting softly upon the walls. Yet within this simplicity lies strength, for it awakens within us the sense of root.



Родные места (худ. Ацамаз Харебов)
Native Places (art by Atsamaz Kharebov)

«Native Places» is not merely the image of a village or town, but the image of origin. Here every house carries memory, every cobblestone knows the steps of those who came before. In its silence, we hear not only the sounds of the present, but the echo of the past: laughter, prayers, the voices of ancestors.

The painting seems to remind us: every person has a point of return. And even if life takes us far away, the road to our native places always remains in the heart. It is not only a geographical road, but a spiritual one.

The light on the horizon in the painting is a promise. Homeland may be austere, modest, lacking in splendor, yet it always carries truth. And it is this truth that makes it priceless for us.

«Native Places» shows us that return is not an escape

from the present, but a meeting with oneself. For a person without roots is like a tree without soil. And homeland is the earth from which our strength, our dreams, and our faith grow.

МОЙ ГОРОД / MY TOWN

Есть города, которые становятся лишь местом жительства. А есть — те, что навсегда поселяются в сердце. Они дышат вместе с человеком, живут в его памяти, становятся частью его судьбы. Для художника этот город — именно такой: родина, укоренившаяся в душе, как дерево в земле.

На полотне улица кажется простой и знакомой: машины, дома, ряды деревьев. Но за этой будничной картиной поднимаются горы — вечные стражи, которые обнимают город своей мощью. Их снежные вершины напоминают: даже в суете повседневности есть нечто, что выше и чище, чем мы.

Здесь каждое здание хранит свою историю, каждый поворот дороги связан с воспоминанием. Это не просто архитектура — это узоры памяти. Художник смотрит на улицу глазами ребёнка, который бегал здесь когда-то босиком; глазами юноши, который мечтал о будущем; глазами зрелого человека, который понимает цену корней.

Картина полна тихой, искренней любви. В ней нет показной торжественности, нет желания украсить действительность. Напротив, именно в простоте и узнаваемости рождается чувство принадлежности. Город становится не местом, а частью самого человека.



Мой город (худ. Ацамаз Харебов)
My Town (art by Atsamaz Kharebov)

И потому, глядя на это полотно, мы понимаем: любовь к родному городу — это одна из самых чистых форм любви. Она не требует доказательств, не ищет выгоды, не нуждается в словах. Она просто есть — как воздух, как свет, как дыхание гор над улицами.

There are cities that are merely places to live. And there are cities that forever dwell in the heart. They breathe with us, live in our memory, and become part of our destiny. For the artist, this city is exactly that — a homeland rooted in the soul, like a tree in the earth.

On the canvas, the street seems simple and familiar: cars, houses, rows of trees. Yet behind this everyday scene rise the mountains — eternal guardians embracing the city

with their power. Their snow-covered peaks remind us: even in the bustle of daily life, there is something higher and purer than ourselves.

Here, every building holds a story, every turn of the road is bound to a memory. This is not just architecture – it is the pattern of remembrance. The artist looks upon the street with the eyes of a child who once ran barefoot here; with the eyes of a young man who dreamed of the future; with the eyes of a grown man who knows the value of roots.

The painting is filled with quiet, sincere love. There is no pomp, no attempt to embellish reality. On the contrary, it is in simplicity and familiarity that the sense of belonging is born. The city becomes not just a place, but a part of one's very being.

And thus, as we gaze upon this canvas, we understand: love for one's native city is among the purest forms of love. It asks for no proof, seeks no benefit, and needs no words. It simply exists – like air, like light, like the breath of the mountains above the streets.

СТАРЫЙ КВАРТАЛ / THE OLD QUARTER

Старый квартал – это место, где сама тишина звучит громче слов. Его узкие улицы, неровные заборы, деревянные дома с покосившимися крышами – словно строки рукописи, которую писали десятки поколений.

В этих стенах нет блеска новизны, но есть дыхание памяти. Камни мостовой, ржавые ворота, дощатые стены –

все хранит след человеческой жизни: шаги детей, торопящихся в школу, разговоры соседей, запах хлеба из окна, тень, упавшую от дерева на крыльцо. Здесь каждое пятно света и каждая трещина — знак того, что время не только разрушает, но и придает значимость.

Старый квартал — это место, где виден ритм жизни. Он не быстрый, не шумный, а размеренный, как дыхание спящего города. Здесь можно услышать, как мир проходит сквозь нас: дни и годы сменяются, но память остается в дереве и кирпиче.

С высоты открывается вид на новые дома, но они еще не обрели того веса, какой несут старые постройки. Только прожитые жизни делают пространство живым. И старый квартал — это не просто часть города, а сердце его души, его укорененность, его память о себе.

Здесь человек понимает: прошлое не исчезает. Оно не ушло, оно вплетается в настоящее, словно старая ткань в узор нового ковра. И пока стоят эти дома, пока улицы помнят шаги, мы тоже помним — не словами, а внутренним чувством принадлежности.

Старый квартал учит видеть вечность в простом. В ржавом заборе, в потемневшей доске, в старом окне, где отражается небо. Он напоминает, что жизнь — это не только движение вперед, но и умение хранить следы прожитого.

И когда мы смотрим на картину, мы понимаем: в каждом городе есть свои старые кварталы. Но на самом деле они — внутри нас. Это те места в душе, где живет память о предках, о детстве, о времени, которое прошло, но оставило свет.

— — — — —

The old quarter is a place where silence itself speaks louder than words. Its narrow streets, uneven fences, and wooden houses with sagging roofs are like the lines of a manuscript written by generations.

These walls do not shine with newness, yet they breathe memory. The cobblestones, the rusted gates, the weathered



Старый квартал (худ. Ацамаз Харебов)
The Old Quarter (art by Atsamaz Kharebov)

planks – all bear the trace of human life: the footsteps of children hurrying to school, the neighbors' conversations, the scent of bread from a window, the shadow of a tree falling across a porch. Here, every patch of light and every crack is a sign that time not only erodes but also endows with meaning.

The old quarter reveals the rhythm of life. Not fast, not noisy, but measured – like the breath of a sleeping city. Here one can sense the world passing through us: days and years change, but memory remains in wood and brick.

From above, one can see new houses rising, yet they have not acquired the weight that the old buildings carry. Only lives lived grant a place its soul. And the old quarter is

not merely part of a city, but the heart of its being, its rootedness, its memory of itself.

Here one understands: the past never disappears. It does not leave, but weaves itself into the present, like old fabric in the pattern of a new carpet. And as long as these houses stand, as long as the streets remember footsteps, we too remember – not with words, but with an inner sense of belonging.

The old quarter teaches us to see eternity in the ordinary: in a rusted gate, in a darkened board, in an old window reflecting the sky. It reminds us that life is not only about moving forward, but also about preserving the traces of what has been lived.

And when I look at the painting, I realize: every city has its old quarters. But in truth, they are within us – the places of the soul where memory lives: of ancestors, of childhood, of time that has passed, yet left behind its light.

МОЙ ГОРОД ЗИМОЙ / MY TOWN IN WINTER

Мой город зимой в этой картине словно окутан мягкой тишиной. Улицы погружены в белизну, снежные ветви деревьев склонились друг к другу, образуя живой свод, под которым течет неспешная жизнь города. Снег здесь – не холод, а благодать, светлое покрывало, которое примиряет и умиротворяет все вокруг.

Редкие прохожие, силуэты которых тают в глубине улицы, не нарушают этого покоя, а, напротив, становятся ча-

стью общей гармонии. Их шаги кажутся тише на мягком снегу, и от этого город звучит как музыка молчания. Фонари на обочине горят золотыми точками, словно звезды, сошедшие на землю, — они добавляют тепла и уюта в морозный воздух.

Это полотно говорит о простых, но вечных вещах: о том, как зима очищает взгляд, как тишина становится лекарством для души, как в каждом мгновении скрыта красота. В снежных улицах и тихом сиянии фонарей есть особая полнота жизни — без суеты, без громких слов, только дыхание города и ритм человеческих шагов.

«Мой город зимой» — это воспоминание о том, что счастье можно найти в простом созерцании: в белом свете зимы, в прозрачном воздухе, в покое, который дарит сердце самому себе. Это картина-назидание: среди холода всегда можно услышать тепло, если смотришь глазами благодарности.

In this painting, *My Town in Winter* seems wrapped in gentle silence. The streets are covered in white, the snow-laden branches bend towards each other, forming a living arch under which the quiet life of the city flows. The snow here is not cold, but a blessing — a luminous mantle that reconciles and calms everything around.

The few passersby, their silhouettes fading into the distance, do not disturb the stillness; rather, they become part of its harmony. Their footsteps are softened by the snow, and the city begins to sound like music of silence. Streetlights glow like golden stars descended to earth, adding warmth and comfort to the frosty air.

This canvas speaks of simple yet eternal things: how winter clears the vision, how silence heals the soul, how beauty hides in every moment. In the snowy streets and the quiet glow of the lamps lies a fullness of life — without



Мой город зимой (худ. Ацамаз Харебов)
My Town in Winter (art by Atsamaz Kharebov)

haste, without noise, only the breathing of the city and the rhythm of human steps.

My Town in Winter is a reminder that happiness can be found in simple contemplation: in the white light of winter, in the crystal air, in the peace the heart gives itself. It is a painting that teaches: even in cold, warmth can be heard – if one looks with eyes of gratitude.

МОЯ РОДИНА / MY MOTHERLAND

Эта картина встречает нас простотой: узкая улица, старые дома, силуэт церкви, уходящей ввысь с крестом на куполе. Лучи заходящего солнца пробиваются сквозь облака и ложатся на крыши и деревья мягким светом. В этом пейзаже нет внешней пышности, но есть нечто большее — подлинность и глубина.

«Моя Родина» — это не географическая точка и не карта, это прежде всего состояние сердца. Здесь каждый камень мостовой хранит следы шагов, каждое дерево впитало дыхание ветра, знакомого с детства, каждый дом несет в себе память тех, кто жил до нас. Родина — это корень, без которого человек теряет себя.

Художник показывает не идеализированный образ, а живую реальность. Родина может быть скромной, даже суровой. Но именно в этой простоте заключается ее сила. Это пространство, где человек учится видеть правду: видеть красоту в несовершенном, надежду в будничном, свет в самом обычном.

Свет на горизонте в картине — символ надежды. Даже в сумерках, даже среди тяжести дней, Родина всегда несет в себе обещание: «Ты не один, твои корни живы». Родные места становятся не только памятью, но и источником силы.

Эта работа говорит: Родина — это не только прошлое, но и настоящее, которое формирует нас, и будущее, которое мы создаем. Она учит нас помнить, что возвращение домой — это не бегство, а встреча с самим собой. Ведь человек без Родины — словно дерево без почвы: может жить какое-то время, но не сможет пустить новые корни.

И потому «Моя Родина» — это не только признание в любви к земле, но и напоминание: мы всегда остаемся частью ее дыхания, ее истории, ее света.



Моя Родина (худ. Ацамаз Харебов)
My Motherland (art by Atsamaz Kharebov)

This painting greets us with simplicity: a narrow street, old houses, the silhouette of a church crowned with a cross. Rays of the setting sun break through the clouds, resting softly on rooftops and trees. There is no outward grandeur here, yet there is something greater – authenticity and depth.

«My Homeland» is not a point on a map, but above all a state of the heart. Every cobblestone carries the imprint of footsteps, every tree has absorbed the breath of winds known since childhood, every house bears the memory of those who lived before us. Homeland is the root without which a person loses themselves.

The artist does not show us an idealized image, but a living reality. Homeland can be modest, even austere. Yet within this simplicity lies its strength. It is the place where one learns to see truth: to see beauty in the imperfect, hope in the ordinary, light in the everyday.

The light on the horizon in the painting is a symbol of promise. Even in twilight, even amid the weight of days, homeland always carries within it the assurance: «You are not alone, your roots are alive.» Native places become not only memory but also a source of strength.

This work tells us: homeland is not only the past, but also the present that shapes us, and the future we create. It teaches us to remember that returning home is not an escape, but a meeting with ourselves. For a person without homeland is like a tree without soil: it may live for a while, but it cannot grow new roots.

Thus «My Homeland» is not only a declaration of love for the land, but also a reminder: we always remain part of its breath, its history, its light.

РАННЕЕ УТРО / EARLY MORNING

На картине – мгновение пробуждения. Река тянется сквозь пейзаж, ее поверхность спокойна и отражает свет неба, где только зарождаются первые лучи. Мост соединяет два берега – словно связь между тьмой и светом, ночью и днем, прошлым и будущим.

Деревья еще погружены в тень, но над горами уже рождается рассвет. В этом переходе заключена особая гармония: мир словно задержал дыхание, позволяя нам услышать его сердцебиение.

«Раннее утро» – это не просто пейзаж, это образ состояния души. В каждом из нас есть такие мгновения, когда прошлое еще не отпущено, а будущее еще не наступило. Это внутренний порог, когда человек стоит между

двумя мирами и способен услышать собственное дыхание в унисон с дыханием земли.

Картина напоминает: утро — это не только время суток, но и символ начала. Оно несет в себе обещание: даже если ночь была тяжелой, за ней обязательно придет свет. «Раннее утро» учит нас замечать не шумные победы, а тихие откровения, которые приходят в простых вещах: в свете на реке, в очертании мостов, в прозрачном воздухе.

Это работа о том, что каждое утро — новая возможность. Оно не громко заявляет о себе, но именно в этом его сила. Умение встретить утро — значит уметь принять жизнь заново.

— — — — —

In the painting we see the moment of awakening. A river winds through the landscape, its surface calm, reflecting the light of a sky where the first rays are just being born. A bridge links the two banks — like a connection between darkness and light, night and day, past and future.

The trees are still immersed in shadow, yet above the mountains dawn has already begun. Within this transition lies a special harmony: the world seems to hold its breath, allowing us to hear its heartbeat.

«Early Morning» is not merely a landscape, but an image of the soul's state. Within each of us there are such moments, when the past has not yet been released, and the future has not yet arrived. It is an inner threshold, when one stands between two worlds and can hear their own breath in unison with the breath of the earth.

The painting reminds us: morning is not only a time of day, but a symbol of beginning. It carries a promise: even if the night has been heavy, light inevitably follows. «Early Morning» teaches us to notice not loud victories, but quiet revelations, which arrive in simple things — in the shimmer of the river, the outline of bridges, the transparency of air.



Раннее утро (худ. Ацамаз Харебов)
Early Morning (art by Atsamaz Kharebov)

This work tells us that every morning is a new possibility. It does not proclaim itself with force, yet within that humility lies its strength. To welcome morning is to accept life anew.

СТАРАЯ НАБЕРЕЖНАЯ / THE OLD EMBANKMENT

Река хранит течение дней, а старые дома —
дыхание памяти. И вместе они становятся
образом вечности.

Есть места, где дыхание времени чувствуется особенно ясно. Старая набережная — одно из таких мест. Здесь река течет спокойно, отражая небо и кроны деревьев, а старые дома на возвышении смотрят на нее своими окнами, словно живые свидетели давно прошедших событий.

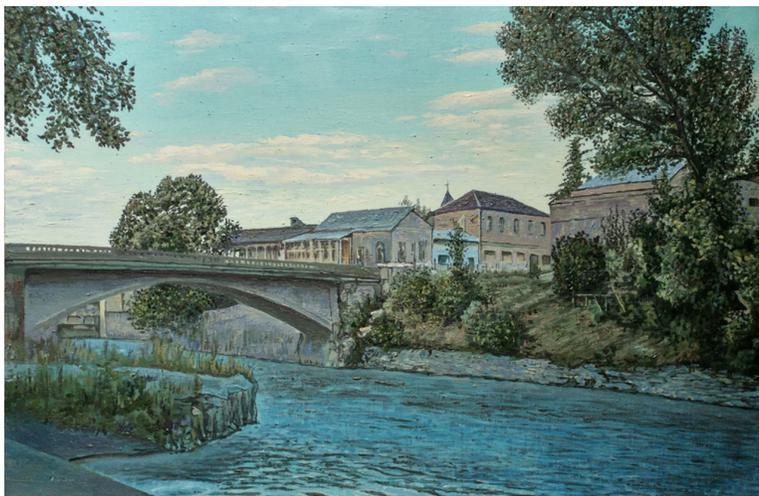
В этих камнях и стенах слышатся отзвуки прошлого. Когда-то здесь звучали голоса, смех, шаги — и все это будто растворилось в воздухе, но не исчезло бесследно. Оно впиталось в стены, в листья, в сам воздух, и теперь набережная хранит не только архитектуру, но и человеческую память.

Река у ее подножия — словно зеркало времени. Она всегда течет, и в то же время всегда остается собой. Сколько бы лет ни прошло, ее течение соединяет поколения. Те, кто жил раньше, и те, кто живет сейчас, видели и видят одну и ту же воду, уходящую вдаль.

Старая набережная учит нас понимать, что красота — это не только новые здания и блеск современности, но и тишина старого, простого, прошедшего через годы. В ее облике есть благородство времени, в ее трещинах — правда жизни, в ее тенях — умиротворение.

Эта картина напоминает нам: в каждом городе есть места, где мы можем прикоснуться к своей собственной глубине. Гуляя по старой набережной, мы словно идем не только вдоль реки, но и вдоль собственной памяти.

И потому старая набережная становится образом вечного: мостом между прошлым и настоящим, простран-



Старая набережная (худ. Ацамаз Харебов)
The Old Embankment (art by Atsamaz Kharebov)

ством, где человек обретает связь с самим собой, с историей и с вечностью, которая живет в простых и тихих местах.

— — — — —

The river keeps the flow of days, the old houses hold the breath of memory. Together they become the image of eternity.

There are places where the breath of time can be felt most clearly. The old embankment is one of them. Here the river flows quietly, reflecting the sky and the crowns of the trees, while the old houses above gaze upon it with their windows, like living witnesses of long-gone days.

Within these stones and walls echo the sounds of the past. Once there were voices, laughter, footsteps – all of it seemed to vanish into the air, yet nothing disappeared

without a trace. It was absorbed into the walls, into the leaves, into the very air, and now the embankment preserves not only architecture but also human memory.

The river beneath is like a mirror of time. It always flows, and yet it always remains itself. No matter how many years pass, its current connects generations. Those who lived before and those who live now saw and see the same water, forever moving onward.

The old embankment teaches us that beauty is not found only in new buildings and the brilliance of modernity, but also in the stillness of the old, the simple, the weathered. In its appearance there is the nobility of time, in its cracks the truth of life, in its shadows a sense of peace.

This painting reminds us: in every city there are places where we may touch our own depths. Walking along the old embankment, we walk not only by the river but also alongside our own memory.

Thus, the old embankment becomes an image of the eternal: a bridge between past and present, a space where man finds connection with himself, with history, and with the eternity that dwells in quiet, simple places.

РЕКА ЛИАХВА / LIAKHVA RIVER

На картине – Лиакхва, сверкающая в солнечном свете, голубая жила земли, бегущая сквозь осенние пейзажи. Ее течение спокойно и в то же время живо: прозрачная вода играет бликами, омывает камни и отражает в себе небеса. Река здесь – не просто природный образ, а символ времени, которое движется, унося с со-

бой дни, но всегда возвращается к нам в вечном круговороте.

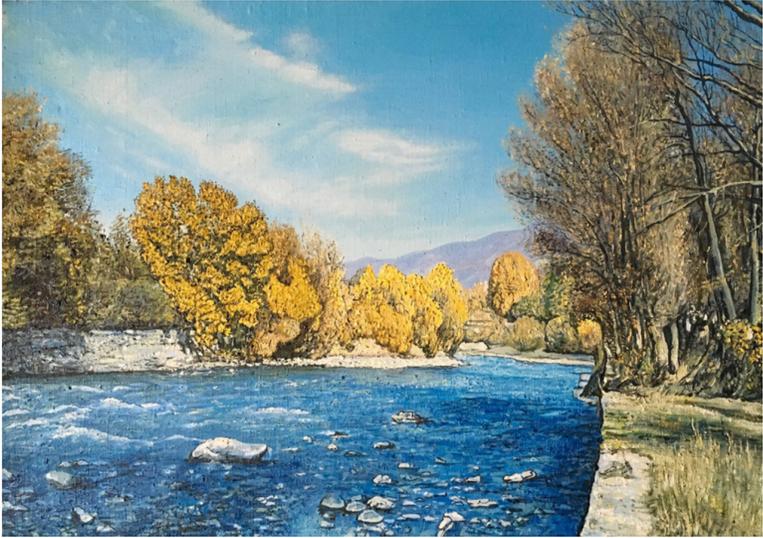
Золотые кроны деревьев, склоняющихся к воде, словно подслушивают ее тихую песнь. Они стоят на берегах, как стражи, охраняющие покой и чистоту этой реки. Ветви, отливающие желтым и оранжевым, говорят о щедрости осени, о красоте момента, который вот-вот уйдет, но именно поэтому ценен вдвойне.

Лиахва в этом образе становится метафорой самой жизни. В ее стремительном течении есть сила и свежесть, но в ее отражениях — покой и созерцание. Человек, глядя на такую реку, словно видит и свое собственное течение: то быстрое, то замедленное, но всегда устремленное вперед.

«Река Лиахва» — это гимн простоте и красоте. В шуме воды и шепоте листвы слышится голос земли, который напоминает нам о корнях, о вечной связи с природой. Картина дышит тишиной, но эта тишина наполнена внутренним звучанием: здесь есть место для мысли, воспоминания и благодарности.

In the painting, the Liakhva sparkles in the sunlight — a blue vein of the land, flowing through autumn landscapes. Its current is calm, yet alive: transparent waters shimmer with light, wash over stones, and mirror the sky above. The river is not just a natural image here, but a symbol of time itself, moving forward, carrying away days, yet always returning in its eternal cycle.

Golden crowns of trees bend gently towards the water, as if listening to its quiet song. They stand on the banks like guardians, protecting the peace and purity of the river. Their branches, glowing with yellows and oranges, speak of autumn's generosity, of the fleeting beauty of a moment that passes quickly but is treasured all the more for it.



Река Лиакхва (худ. Ацамаз Харебов)
Liakhva River (art by Atsamaz Kharebov)

The Liakhva River becomes a metaphor for life itself. In its rushing flow lies strength and freshness; in its reflections, calm and contemplation. Gazing at such a river, one sees one's own life mirrored: sometimes swift, sometimes slow, but always moving forward.

«The Liakhva River» is a hymn to simplicity and beauty. In the murmur of the water and the whisper of leaves, one hears the voice of the land, reminding us of our roots and our eternal bond with nature. The painting breathes silence, yet it is a silence filled with resonance – a space for thought, memory, and gratitude.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ / THE OLD CHURCH

Среди крыш и осенних деревьев возвышается старая церковь — как знак, который время не смогло стереть. Ее камни хранят дыхание веков, ее купол видел, как менялись поколения, ее звон когда-то собирал людей в минуты радости и скорби. Она стоит не только как строение, но как символ — присутствие вечности в сердце повседневности.

Осень обрамляет храм золотым венцом. Кроны, полные света, словно горят тихим огнем, и в этом сиянии храм кажется еще древнее, еще значительнее. Осень напоминает нам о круговороте жизни: листья опадают, но земля рождает новые побеги. Так и церковь: ее стены стареют, камень темнеет, но дух, заключенный в ней, остается неизменным, как вечное дыхание.

Старая церковь учит смирению. Она не соперничает с небом, не стремится к высоте соборов и дворцов, а стоит скромно, почти застенчиво, среди домов и деревьев. Но именно в этой скромности — ее сила. Она словно говорит: величие не в громкости и блеске, а в способности оставаться. Век за веком, день за днем, в радости и горе — просто стоять и быть.

Символично, что церковь возвышается над крышами — она как напоминание человеку поднять взгляд выше своего быта. Мы живем среди забот, мелких тревог, земных планов. Но стоит взглянуть на купол церкви, и в этом жесте — в самом движении глаз вверх — открывается другое измерение. Человек, даже если он этого не осознает, ищет небо.

Философия этой картины проста и глубока. Все земное проходяще: дома ветшают, листья опадают, даже камень

поддается времени. Но в каждом городе, в каждой душе остается нечто, что связывает нас с вечностью. Для одних это вера, для других — память, для третьих — сама красота мира. Но в любом случае старая церковь становится символом этой связи: тихой, устойчивой, неугасимой.

Картина говорит о том, что духовное присутствие всегда рядом. Оно не требует доказательств, не нуждается в словах. Оно живет в тишине старого храма, в отблеске света на его куполе, в шепоте осенних деревьев вокруг. И если прислушаться, можно услышать не звон колокола, а голос самой вечности.

Взирая на «Старую церковь», мы понимаем: время меняет все вокруг, но есть нечто, что выше времени. И это «нечто» всегда открыто человеку — стоит лишь поднять глаза над крышей своего дома.

— — — — —

Amidst the rooftops and autumn trees, the old church rises — a sign that time could not erase. Its stones carry the breath of centuries, its dome has witnessed the passing of generations, its bell once gathered people in moments of joy and sorrow. It stands not merely as a structure but as a symbol — the presence of eternity in the heart of everyday life.

Autumn crowns the church with a golden halo. The trees, aflame with quiet fire, make the church appear even older, even more significant. Autumn reminds us of the cycle of life: leaves fall, yet the earth brings forth new shoots. So it is with the church: its walls may age, its stone may darken, but the spirit within remains unchanged, like eternal breath.

The old church teaches humility. It does not compete with the sky, does not strive for the height of cathedrals and palaces, but stands modestly, almost shyly, among houses and trees. Yet in this modesty lies its power. It seems to say: greatness is not in noise or splendor, but in the ability



Старая церковь (худ. Ацамаз Харебов)
The Old Church (art by Atsamaz Kharebov)

to endure. Century after century, day after day, in joy and in sorrow – simply to stand and to be.

It is symbolic that the church rises above the rooftops – a reminder for man to lift his gaze beyond his daily cares. We live amidst worries, small anxieties, earthly plans. Yet with a single glance toward the dome, in that upward motion of the eyes, another dimension opens. Man, even unconsciously, seeks the sky.

The philosophy of this painting is simple yet profound. All that is earthly is transient: houses decay, leaves fall, even stone yields to time. But in every town, in every soul, something remains that binds us to eternity. For some, it is

faith; for others, memory; for still others, the beauty of the world itself. In every case, the old church becomes a symbol of that bond: quiet, steadfast, unextinguished.

This painting tells us that the presence of the spiritual is always near. It asks for no proof, requires no words. It lives in the silence of the old temple, in the glow of light upon its dome, in the whisper of autumn trees surrounding it. And if one listens closely, one may hear not the ringing of bells, but the voice of eternity itself.

Looking at «*The Old Church*», we come to understand: time changes everything around us, yet there is something that stands above time. And this «something» is always open to man — if only he lifts his eyes beyond the roof of his own home.

СТАРЫЙ МОСТ / THE OLD BRIDGE

Старый мост — это не просто переход через реку. Он соединяет два берега, но на самом деле — гораздо больше: он соединяет прошлое и настоящее, людей и их судьбы, мгновения и вечность. На картине он занимает передний план, но словно растворяется в большем: в реке, в деревьях, в небе. Он не господствует, а служит — и в этом его истинное величие.

Его арка — как поднятая рука времени, протянутая навстречу каждому, кто идет по нему. Сколько поколений прошло по этой дороге? Сколько шагов, голосов, судеб хранила в себе его каменная твердь? Мост молчит, но в этом молчании заключена мудрость: переходы необходимы, каждое завершение ведет к началу.

Река под ним течет, не останавливаясь ни на миг. Она принимает в себя отражения деревьев и домов, неба и облаков, и все же движется вперед, обновляясь каждую секунду. Это та же самая река, которую видели наши предки, и одновременно новая, как сама жизнь: мы меняемся, но остаемся собой; время уходит, но остается вечное движение.

Осень вокруг полна мягких красок. Деревья стоят в золотом убранстве, трава на склонах играет светотенью. Это не время угасания, а тихого перехода, когда мир готовится к покою зимы, и именно в этом покое рождается новое дыхание. Так и старый мост — он напоминает, что путь вперед всегда начинается с шага через рубеж.

За мостом открывается даль. Домики с белыми стенами и синими ставнями кажутся маленькими точками в огромном пространстве, а горы уходят в туман. В этом сочетании ближнего и дальнего, простого и вечного рождается философия картины: человек строит свое малое, но над ним всегда раскрывается великое.

Старый мост стоит над рекой, словно страж памяти. Он хранит шаги и голоса, соединяет судьбы, охраняет надежду, что все, что было, не исчезло бесследно, а нашло продолжение на другом берегу. Это не просто архитектура, а образ времени, образ памяти, образ человеческой жизни — мост, который каждый из нас строит в себе самом, соединяя то, что было, и то, что еще только будет.

— — — — —
The old bridge is not merely a passage across the river. It joins two banks, but in truth, it binds far more: it unites past and present, people and their destinies, fleeting moments and eternity. In the painting it occupies the foreground, yet seems to dissolve into something greater — into the river, the trees, the sky. It does not dominate, it serves — and therein lies its true greatness.



Старый мост (худ. Ацамаз Харебов)
The Old Bridge (art by Atsamaz Kharebov)

Its arch is like the raised hand of time, extended toward everyone who sets foot upon it. How many generations have walked this road? How many steps, voices, and lives are preserved in its stone firmness? The bridge does not answer – it simply remains silent, and within that silence rests its wisdom: transitions are necessary, every ending leads to a beginning.

Beneath it, the river flows without pause. It gathers reflections of trees and houses, of clouds and sky, yet moves steadily forward, renewed each moment. It is the same river our ancestors once beheld, and at the same time it is ever new – like life itself: we change, yet remain ourselves; time passes, yet movement is eternal.

Autumn spreads its gentle colors around. Trees stand in golden attire, grasses on the slopes shimmer with light

and shade. This is not a season of decline but of quiet passage, when the world prepares for winter's rest, and in that rest a new breath is born. So too the old bridge reminds us: the way forward always begins with a step across a threshold.

Beyond the bridge the distance opens. White-walled cottages with blue shutters appear as tiny marks in the vast expanse, while the mountains fade into mist. In this union of near and far, of the simple and the eternal, the painting reveals its philosophy: man builds what is small, but above him there always unfolds the great.

The old bridge stands above the river like a guardian of memory. It preserves footsteps and voices, binds destinies, safeguards the hope that nothing of the past vanishes without trace, but finds continuation on the other shore. It is not merely architecture, but an image of time, of memory, of human life itself – a bridge each of us must build within, joining what has been with what is yet to come.

В СТАРОМ ПАРКЕ / IN THE OLD PARK

В старом парке царит особая тишина. Это не пустая тишина, а наполненная – как дыхание земли, как эхо многих лет. Здесь деревья стоят свидетелями времени: они помнят шаги, голоса, разговоры, которых давно уже нет, и в их стволах застыли следы всех прошедших эпох.

На картине мы видим этот мир осени. Золотые кроны склоняются к земле, трава под ногами усыпана тенями и бликами света. Дорога тянется вдаль, в сторону реки,

и кажется, что это не просто тропинка, а нить, соединяющая человека с вечностью.

Упавшее дерево у обочины — как символ завершённого пути. Оно некогда было живым, шумело листвой, тянулось к солнцу. Теперь оно лежит в тени, но и в этом есть своя красота: завершённая жизнь становится частью нового цикла, питает землю, рождает новую зелень. Так и в человеческой судьбе — конец одного пути становится началом другого.

Старый парк учит нас мудрости. Он показывает, что жизнь прекрасна не только в своей молодости и цветении, но и в зрелости, в увядании, в тихом возвращении к земле. Здесь каждый лист напоминает о том, что все приходит к завершению, но вместе с тем — ничто не исчезает. Все возвращается в другом облике, в другом времени, в другом дыхании.

В этом пейзаже есть покой и благодарность. Покой — потому что все идет своим чередом, без спешки и тревоги. Благодарность — потому что человек, вступая в этот парк, чувствует, что он часть того же цикла, что и деревья, и листья, и тени.

Картина говорит нам: старость — не конец, а превращение. Парк становится образом вечного круга, в котором каждая жизнь — как лист, падающий на землю, чтобы дать место новому ростку. И в этой смене времен мы узнаем гармонию, которая выше страха и сильнее времени.

— — — — —

In the old park there reigns a special kind of silence. It is not empty, but full — like the breath of the earth, like the echo of many years. The trees here stand as witnesses of time: they remember the footsteps, the voices, the conversations long gone, and in their trunks are inscribed the marks of passing eras.

On the canvas we see this autumnal world. Golden crowns bow toward the earth, the grass underfoot is strewn



В старом парке (худ. Ацамаз Харебов)
In the Old Park (art by Atsamaz Kharebov)

with shadows and glimmers of light. The path stretches onward, toward the river, and it feels as though it is not merely a path, but a thread binding man to eternity.

The fallen tree by the roadside is a symbol of a completed journey. Once it lived, rustling its leaves, reaching for the sun. Now it lies in shadow, yet even in this there is beauty: a life completed becomes part of a new cycle, nourishing the soil, giving rise to new growth. So it is with human destiny – the end of one path becomes the beginning of another.

The old park teaches us wisdom. It shows that life is beautiful not only in its youth and flowering, but also in maturity, in fading, in the quiet return to the earth. Here,

every leaf reminds us that all comes to its close, and yet nothing vanishes: everything returns in another form, another time, another breath.

In this landscape there is peace and gratitude. Peace – because everything follows its course, without haste or worry. Gratitude – because as one walks into this park, one feels part of the same cycle as the trees, the leaves, and the shadows.

The painting tells us: old age is not an end, but a transformation. The park becomes the image of an eternal circle, where each life is like a leaf falling to the ground, making room for a new sprout. And in this rhythm of seasons we recognize harmony – stronger than fear, greater than time.

РАЗДЕЛ IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДОРОГИ КАК МЕТАФОРА ЖИЗНИ

Там, где кончается одна дорога, начинается
другая — как сама жизнь.

Дорога всегда больше, чем пространство между двумя
вехами. Она — нить, связывающая мгновения, судьбы,
эпохи. В ней есть начало и неизвестный конец, есть по-
вороты, подъемы и спуски. Дорога — это форма самой
жизни: мы идем вперед, неся в себе и свет, и тени прой-
денного.

Каждая тропа хранит шаги, которые оставили на ней
люди до нас. И в то же время она открыта для того, кто
ступит на нее завтра. В этом тайна дороги: она соединяет
прошлое и будущее, делая их настоящим.

Есть дороги прямые, ведущие к цели без сомнений.
Есть дороги извилистые, где каждый поворот — как новая
глава судьбы. Есть тропы забытые, заросшие травой, —
но и они продолжают жить в памяти.

Человек не просто идет по дороге — он сам становится
дорогой для других. Его слова, поступки, следы — все это
указывает путь тем, кто придет за ним.

Дорога учит смирению и надежде. Она требует усилия, но щедро дарит открытие горизонтов. В ней — тишина и ветер, испытания и радость, мгновения одиночества и встречи, которые меняют все.

И когда мы говорим о пройденных нами дорогах, мы представляем себя частью великого движения всего мира, частью вечного шествия времени, в котором каждый человек — путник, ищущий свой свет.

Именно в этом — тайна и глубина миров Ацамаза Харебова: его картины становятся отражением тех дорог, что мы проходим в жизни. Они не просто изображают пространство — они показывают пути души, ее странствия сквозь свет и тьму, память и надежду. Его миры — это дороги, которые соединяют земное и вечное.

Where one road ends, another begins — just like
life itself.

A road is always more than the space between two milestones. It is a thread weaving together moments, destinies, and epochs. It has a beginning and an unknown end, with turns, ascents, and descents. The road is the very form of life: we move forward, carrying within us both the light and the shadows of what has passed.

Every path holds the footsteps of those who walked before us. Yet it remains open to those who will step upon it tomorrow. That is the secret of the road: it unites the past and the future, making them present.

There are straight roads, leading to their goal without hesitation. There are winding roads, where every turn is a new chapter of fate. There are forgotten trails, overgrown with grass — and yet they continue to live in memory.

A human being does not merely walk along the road — he himself becomes a road for others. His words, his

deeds, his traces — all point the way to those who will follow.

The road teaches humility and hope. It demands effort, yet generously grants the discovery of horizons. Within it lie silence and wind, trials and joy, moments of solitude and encounters that change everything.

And when we speak of the roads we have walked in life, we imagine ourselves as part of the great movement of the whole world, part of the eternal march of time, in which every person is a traveler seeking his light.

This is precisely the mystery and depth of Atsamaz Kharebov's worlds: his paintings reflect those very roads we walk in life. They do not merely depict space — they reveal the paths of the soul, its journeys through light and shadow, memory and hope. His worlds are roads that unite the earthly and the eternal.

ДОРОГА ПОСЛЕ ДОЖДЯ / ROAD AFTER THE RAIN

За каждой бурей приходит дыхание новой
тишины.

Дождь уходит, но его дыхание еще живет в отражениях. Вода на дороге — как зеркало, в котором мир заново узнает себя. Все привычное — дома, деревья, облака — кажется новым, будто впервые открытым.

Дорога после дождя — это не просто путь, покрытый влагой. Это знак обновления. Все, что было смыто капля-

ми, уходит в прошлое. Все, что осталось, наполнено свежестью и готово к новому дыханию.

В этой дороге – обещание: впереди не только повороты и испытания, но и новые горизонты. Свет, пробивающийся сквозь тучи, словно говорит: мир всегда способен воскреснуть после мрака.

Мы идем по этой дороге, оставляя следы в ее влажной поверхности, и каждый шаг становится не только движением вперед, но и выбором в пользу надежды. Дорога учит нас верить: за каждым дождем приходит ясность, за каждой тьмой – проблеск света.

Так и жизнь: она не останавливается на буре, но рождает в себе новые силы, чтобы идти дальше. И дорога после дождя – это дорога в будущее, в котором есть место обновлению, свету и надежде.

— — — — —

After every storm comes the breath of a new
silence.

The rain has passed, yet its breath still lives in reflections. The water on the road is like a mirror where the world rediscovers itself. Everything familiar – the houses, the trees, the clouds – appears renewed, as if revealed for the first time.

The road after rain is not merely a path covered with moisture. It is a sign of renewal. All that was washed away by the drops belongs to the past. What remains is filled with freshness and ready for a new breath.

In this road lies a promise: ahead are not only turns and trials, but also new horizons. The light breaking through the clouds seems to whisper: the world is always capable of rising again after the darkness.

We walk along this road, leaving our footprints upon its damp surface, and every step becomes not only a movement



Дорога после дождя (худ. Ацамаз Харебов)
Road After the Rain (art by Atsamaz Kharebov)

forward but also a choice in favor of hope. The road teaches us to believe: after every rain comes clarity, after every darkness – a glimpse of light.

So it is with life: it does not stop at the storm, but gives birth to new strength to move on. And the road after rain is the road into the future – a future with space for renewal, light, and hope.

ДОРОГА ЖИЗНИ / THE ROAD OF LIFE

Там, где весна несла цветы,
война принесла слезы.

Есть дороги, которые ведут нас в будущее. Есть дороги, что становятся символами пути, испытаний и памяти. И есть одна дорога, имя которой навсегда вписано в историю Южной Осетии как боль и как надежда — Зарская дорога.

20 мая 1992 года эта дорога стала местом трагедии. По ней двигалась колонна беженцев из Цхинвала — города, осажденного, обстреливаемого, оказавшегося на грани гуманитарной катастрофы. Женщины, дети и старики искали спасение, неся с собой последние искры надежды... Но война не оставила их даже в пути: она настигла их и безжалостно оборвала жизни на дороге, которую народ назвал «дорогой жизни».

Весна тогда цвела, пробуждалась природа, солнце согревало землю. Но там, где должны были звучать детские голоса и песни о надежде, раздались выстрелы. Вместо света и тепла пришли тьма и скорбь. Так день 20 мая стал днем скорбного напоминания: нет ничего страшнее войны, которая протягивает свои руки даже к безоружным и невинным.

Сегодня Зарская дорога — не просто маршрут в горах. Это дорога памяти, дорога слез, дорога, на которой звучит безмолвный крик. Но одновременно это дорога мужества: ведь, несмотря на боль, народ Южной Осетии сохранил веру, выстоял и продолжил свой путь.

Каждый шаг по этой дороге напоминает нам о цене мира. И потому «дорога жизни» остается символом: памятью о невинно убиенных и надеждой на то, что трагедии не повторятся.



Дорога жизни (худ. Ацамаз Харебов)
The Road of Life (art by Atsamaz Kharebov)

Where spring carried blossoms,
war brought tears.

There are roads that lead us into the future. There are roads that become symbols of journeys, trials, and memory. And there is one road whose name is forever inscribed in the history of South Ossetia as both sorrow and hope – the Zar Road.

On May 20, 1992, this road turned into a place of tragedy. Along it moved a column of refugees from Tskhinval – a city besieged, shelled, and on the verge of a humanitarian catastrophe. Women, children, and the elderly sought refuge, bearing within them the final sparks

of hope. But war did not leave them even on the way: it overtook them and mercilessly cut short their lives on the road that the people called «the Road of Life.»

It was springtime – nature awakening, blossoms unfolding, the sun warming the earth. Yet where children’s voices and songs of hope should have been heard, there were gunshots. Instead of light and warmth came darkness and grief. Thus May 20 became a day of solemn remembrance: there is nothing more terrible than war reaching out its hand even to the unarmed and the innocent.

Today the Zar Road is not merely a mountain route. It is a road of memory, a road of tears, a road where a silent cry resounds. And yet, it is also a road of courage: for despite the pain, the people of South Ossetia kept their faith, endured, and continued their journey.

Every step along this road reminds us of the price of peace. And so the «Road of Life» remains a symbol: a memory of the innocent who were slain, and a hope that such tragedies will never be repeated.

О ХУДОЖНИКЕ

Ацамаз Харебов родился в Южной Осетии — земле, где горы поднимаются к небу, а тишина хранит вечность. Эти горы стали его первой школой: в линиях хребтов он учился гармонии, в переливах рассветов — цвету, в древних преданиях — голосу народа.

С ранних лет он тянулся к искусству, словно к тайному языку, которым говорит сама природа. Его кисть — это не просто инструмент, это голос памяти и духа. В его картинах живет одновременно личное и вселенское: воспоминания детства и древние мифы, запах горных трав и дыхание космоса.

Творчество Ацамаза невозможно отделить от его внутреннего пути. Для него живопись — не ремесло, а философия. Он ищет на холсте ответы на те же вопросы, что тревожили мудрецов: что есть бытие? где граница между реальностью и сном? что скрыто за видимым?

Его работы — это путешествия. Одни ведут вглубь памяти: в старые кварталы Цхинвала, к реке Лиахва, к детскому дому, где каждая тень хранит историю. Другие переносят в мифологический космос: к нартам, к вечной Атлантиде, к символам, которые не знают времени.

Ацамаз — художник-поэт. Его холсты — это стихи, написанные красками. В них есть боль и надежда, одиноче-

ство и праздник, разрушение и созидание. Он соединяет в себе традицию и современность, личное и коллективное, земное и метафизическое.

Живопись Ацамаза — это зеркало его народа и одновременно окно в мир. В нем слышен голос Осетии, но этот голос отзывается в сердцах людей в любой точке планеты.

Он живет и работает в Осетии, оставаясь верным земле, которая вдохновила его с самого начала. Но его картины уже принадлежат миру: они — мост между культурами, временем и людьми.

Так формируется образ художника, для которого искусство — это не украшение, а судьба. Ацамаз Харебов — свидетель и певец своего времени, и вместе с тем — проводник к вечности.

Atsamaz Kharebov was born in South Ossetia — a land where the mountains rise toward the sky and silence preserves eternity. These mountains became his first school: in the lines of the ridges he learned harmony, in the shimmer of dawns he learned color, and in ancient legends he heard the voice of his people.

From an early age, he reached toward art as though it were a secret language spoken by nature itself. His brush is not merely a tool — it is the voice of memory and spirit. In his paintings, the personal and the universal coexist: memories of childhood and ancient myths, the scent of mountain herbs and the breath of the cosmos.

The art of Atsamaz cannot be separated from his inner path. For him, painting is not craft but philosophy. On canvas he seeks answers to the same questions that once stirred the minds of sages: What is being? Where is the boundary between reality and dream? What lies hidden beyond the visible?

His works are journeys. Some lead into the depths of memory: to the old quarters of Tskhinval, to the Liakhva

River, to the childhood home where every shadow carries a story. Others transport us into a mythological cosmos: to the Narts, to the eternal Atlantis, to symbols that know no time.

Atsamaz is a painter-poet. His canvases are poems written in colors. Within them are pain and hope, solitude and celebration, destruction and creation. He unites tradition and modernity, the personal and the collective, the earthly and the metaphysical.

The art of Atsamaz is both a mirror of his people and a window onto the world. In it resounds the voice of Ossetia, yet that voice echoes in the hearts of people everywhere.

He lives and works in Ossetia, remaining faithful to the land that has inspired him from the very beginning. Yet his paintings already belong to the world: they are bridges between cultures, between times, between human beings.

Thus emerges the image of an artist for whom art is not ornament but destiny. Atsamaz Kharebov is both witness and poet of his time – and at the same time, a guide toward eternity.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каждая книга имеет свои границы — страницы, переплет, завершенность. Но искусство Ацамаза выходит за эти пределы. Когда мы закрываем последний лист первого тома, мы понимаем, что не дошли до конца, а лишь открыли новые горизонты. Картины художника не оставляют точки; они оставляют многоточие, зовут к продолжению.

Это многоточие — не случайность. В каждой картине скрыт вопрос, на который нельзя ответить сразу. Что есть время? Что есть память? Что есть свет, который рождается и умирает на холсте? И каждая попытка ответа превращается в новое путешествие. Так живопись становится не музеем прошлого, а дорогой в будущее.

Читатель, прошедший путь первой книги, уже стал соавтором: ведь именно его глаза, его внутренний мир дополнили увиденное. Искусство существует только в диалоге. Художник вкладывает свою тишину и свой свет, но завершает картину зритель — своим дыханием, своим воспоминанием, своим вопросом.

Мы не прощаемся на этих страницах. Мы открываем дверь в продолжение — во второй том, в новые встречи с мифом, природой и философией. Но главное продолжение — в самом читателе, в его памяти, в его взгляде на мир.

И если хотя бы одна картина помогла остановиться и услышать тишину, если хотя бы одно эссе стало зеркалом для собственных мыслей — значит, путь был не напрасен.

Пусть эта книга станет напоминанием: искусство не завершается рамкой, так же как жизнь не завершается последней страницей. Все продолжается.

Every book has its boundaries — pages, a cover, a sense of completion. Yet the art of Atsamaz transcends these limits. When we turn the final page of the first volume, we realize that we have not reached an end, but only opened new horizons. His paintings never place a period; they leave an ellipsis, a call to continue.

This ellipsis is not by chance. Within each painting lies a question that cannot be answered at once. What is time? What is memory? What is the light that is born and dies upon the canvas? Every attempt at an answer turns into a new journey. Thus painting becomes not a museum of the past, but a road into the future.

The reader who has traveled through the first volume has already become a co-creator: for it is their eyes, their inner world, that complete what is seen. Art exists only in dialogue. The artist offers his silence and his light, but the painting is completed by the viewer — with their breath, their memory, their question.

We do not take leave on these pages. We open the door to what continues — to the second volume, to new encounters with myth, with nature, with philosophy. Yet the truest continuation lies within the reader, in memory, in the way they look at the world.

And if even one painting has helped someone pause and hear silence, if even one essay has become a mirror for their own thoughts — then the journey has not been in vain.

May this book be a reminder: art does not end with a frame, just as life does not end with the last page. Everything continues.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие / Preface	3
Философия картин / The Philosophy of Paintings	8
Раздел I. Философские и метафизические образы	11
Разбито... / Shattered...	11
Предчувствие / Premonition	14
Многомерный мир / Multidimensional World	17
Праздник одиночества / Festival of Solitude	20
Потерянная Атлантида / Lost Atlantis	23
Апокалипсис / Apocalypse Unveiled	26
Метафизика бытия / Metaphysics of Being	28
Неиспитая чаша / Untasted Chalice	30
Квантовый мир / Quantum Realm	32
Квантовый переход / Quantum Passage	36
Тропа Сталкера / The Stalker's Trail	38
Мои метафизические размышления / Reflections of Metaphysics	40
Параллельные миры / Parallel Realms	42
Смутные времена / Troubled Times	44
Раздел II. История и культура	48
КОСТА / Kosta	48
Храм моей души / The Temple of My Soul	51
Раздел III. Родина и детство	55
Дом моего детства / The House of My Childhood	55
Родные места / Native Places	58
Мой город / My Town	60
Старый квартал / The Old Quarter	62
Мой город зимой / My Town in Winter	65
Моя Родина / My Motherland	68

Раннее утро / Early Morning	70
Старая набережная / The Old Embankment	73
Река Лиаква / Liakhva River	75
Старая церковь / The Old Church	78
Старый мост / The Old Bridge	81
В старом парке / In the Old Park	84
Раздел IV. Заключение	88
Дороги как метафора жизни	88
Дорога после дождя / Road After the Rain	90
Дорога жизни / The Road of Life	93
О художнике	96
Послесловие	99

Виктор Харебов
Марина Харебова

Сияющие миры Ацамаза Харебова
Философия и сила образа

Иллюстратор Ацамаз Харебов

«Сияющие миры Ацамаза Харебова» – сборник эссе, вдохновленных живописью художника. В них картины становятся зеркалами памяти и окнами в иные миры. Слово и образ пробуждают в душе размышления о добре и красоте.

«The Shining Worlds of Atsamaz Kharebov» is a collection of essays inspired by the artist's paintings. In them, the paintings become mirrors of memory and windows into other worlds. Word and image stir the soul to reflections on goodness and beauty.

ISBN 978-5-0068-2464-5



Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!